

София
Устинова

ЛОВЧАЯ ДУШ

для

КНЯЖИЧА

София Устинова

Ловчая душ для княжича

«Автор»

2026

Устинова С.

Ловчая душ для княжича / С. Устинова — «Автор», 2026

Чтобы вернуть честь своему роду, княжич-изгнанник Богдан Лютомирович возвёл крепость-ловушку. Его цель — чёртова дюжина призраков, чьи показания разоблачат убийц его семьи. Его инструмент — Лира, молодая ведьма с уникальным и опасным даром, купленная им на невольничьем рынке. Вот только главный секрет Лире куда страшнее её дара. Внутри неё запечатана древняя сущность, и с каждым применением силы клетка, в которую отец превратил её тело, истончается. Богдану придётся решить, что для него важнее: справедливость для мёртвых или жизнь женщины, которая стала для него важнее самой мести. А Лире — какую цену она готова заплатить за свободу, и можно ли доверять тому, кто купил твою жизнь, но невольно похитил сердце.

© Устинова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДЫСТОРИЯ	5
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	36
ГЛАВА 9	41
ГЛАВА 10	45
ГЛАВА 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

София Устинова

Ловчая душ для княжича

ПРЕДЫСТОРИЯ

ЛИРА

Семь лет...

В свои семь лет я твёрдо усвоила одну непреложную истину: отцовская любовь имеет вес, цвет и звон. Вес туго набитого кожаного мешочка, оттягивающего пояс. Цвет тусклого золота и яркого, жадно блестящего серебра. И звон, который для моего родителя, колдуна Велислава, был слаще любой колыбельной.

Я сидела, сжавшись в комок, под широкой дубовой лавкой в нашей вечно грязной, пропахшей сыростью, кислыми щами и горькими травами избе. В моих руках было единственное сокровище – краюха чёрствого, но оттого не менее желанного хлеба. Сквозь щели между грубо отёсанными досками я, затаив дыхание, наблюдала, как отец, склонившись над столом при свете коптящей лучины, пересчитывает плату за очередную «услугу». Монеты текли сквозь его длинные, узловатые пальцы, словно живая, блестящая река, и каждая, падая на стол, издавала тот самый сладостный для его уха звон.

Гость, толстый, потный боярин с багровым от выпитого вина лицом и беспокойно бегающими глазками, уже ушёл. Он оставил после себя не только мешочек с серебром, но и тяжёлый, липкий дух страха, который, казалось, осел на стенах вместе с сажей.

Отец закончил считать, ссыпал монеты в потёртый деревянный ларь и только тогда, словно дикий зверь, учуявший чужое присутствие, резко обернулся. Его взгляд, холодный и колючий, как зимний ветер, впился в мой тёмный угол.

– А ну, выметайся оттуда, змеёныш, – прошипел он, и в его голосе не было ни капли тепла.

Я медленно выползла, всё ещё прижимая к себе хлеб, словно это был щит, способный защитить меня от его гнева. Но он не был щитом. Он был причиной. Велислав в два шага пересёк избу и вырвал краюху из моих рук с такой силой, что я, пошатнувшись, едва не упала на скользкий от грязи пол.

– Вечно голодная, вечно под ногами путаешься! – прорычал он, нависая надо мной тёмной, зловещей тенью. – Я работаю, не покладая рук, унижаюсь перед этими жирными боровами, а ты только и знаешь, что жрать!

Его рука взметнулась, и тяжёлый перстень с тусклым чёрным камнем, который он никогда не снимал, рассёк мне кожу на скуле. Боль была острой, обжигающей, но куда больнее были его слова, брошенные мне в лицо с брезгливой, застарелой злобой:

– Ты – моё самое большое разочарование. Девчонка-пустышка. Ни капли силы, ни искры дара, что течёт в моей крови. Лишь лишний рот, который нужно кормить! Бесплезная!

Я не заплакала. Слезы давно высохли, превратившись в твёрдый, холодный комок где-то глубоко в груди. Я лишь молча дотронулась пальцами до щеки, чувствуя, как по коже расползается горячая, липкая влага. Тонкий белый шрам на моём лице до сих пор горит ледяным огнём, когда я вспоминаю тот день. Он – вечное напоминание о цене отцовской «любви».

Семь лет спустя...

Мне было четырнадцать, и я всё ещё была для него пустышкой. Ничего не изменилось, кроме того, что я научилась быть тише воды, незаметнее тени в углу. Я научилась читать его настроение по тому, как скрипят под его сапогами половицы, как подрагивают его пальцы,

когда он перебирает свои склянки с засушенными травами и частями каких-то тварей. Но его презрение ко мне лишь росло с каждым годом, становясь густым, как болотный туман.

А потом, в одну дождливую, промозглую ночь, когда ветер завывал в трубе, словно раненый зверь, всё изменилось навсегда.

В нашу дверь не постучали – её выбили тяжёлым ударом ноги, сорвав с проржавевших петель. В избу, вместе с потоком ледяного ветра и косых струй дождя, ворвались трое. Мокрые, грязные, с глазами голодных волков. Я сразу поняла – пришли не просить об услуге. Пришли забрать долг. За такие «услуги», как оказывал мой отец, рано или поздно всегда приходят, чтобы заставить замолчать навечно.

Отец, который как раз что-то смешивал в глиняной ступке, в ужасе отшатнулся. Он метнулся к полкам со своими склянками, начал выкрикивать слова заклинания, его голос срывался от страха. Но не успел. Один из наёмников, широкоплечий и бородатый, с лёгкостью, будто играючи, шагнул вперёд и пронзил его насквозь длинным, зазубренным мечом. Отец захрипел, выронив ступку, которая с глухим стуком разбилась о пол. Он повалился на грязные доски, и тёмная, почти чёрная в свете лучины лужа стала быстро расплзаться вокруг него.

Я забила в самый дальний угол, за остывающую печку, маленькая, перепуганная до полусмерти, и молила всех богов, и светлых, и тёмных, чтобы меня не заметили. Но один из них – с гнилыми, щербатыми зубами и сальной, мерзкой ухмылкой – заметил. Он шагнул ко мне, брезгливо отшвырнув ногой ещё дёргающееся тело моего отца.

– А это кто у нас тут прячется? – просипел он, и от него несло перегаром, потом и невымытым телом. – Глядите-ка, ведьмин выкормыш. Молоденькая какая... Сочная, поди...

Его грязные, липкие руки схватили меня за плечи. Он дёрнул меня на себя, с хрустом разрывая мою единственную холщовую рубаху, и зашептал прямо в ухо о том, что такая ведьмочка сойдёт для развлечения всей ватаге, прежде чем они пустят ей кровь.

Ужас. Он был не просто страхом. Он был ледяным, всепоглощающим потоком, который заполнил меня до краёв, вытесняя всё остальное – боль, горе, ненависть. Казалось, что-то внутри меня, какая-то тонкая, натянутая до предела струна, которую я всю жизнь пыталась скрыть даже от самой себя, с оглушительным, нестерпимым звоном лопнула.

Я закричала.

Но это был не просто крик испуганной девчонки. Он обрёл плоть, соткался из воздуха, из моих слёз, из моего бездонного отчаяния, из всего того горя, что копилось во мне годами. Перед наёмником, державшим меня, возникла бесплотная, скорбящая женская фигура. Она не выла, не грозила, не скалилась. Она просто молча плакала, и от этого беззвучного, вселенского плача у матёрых, прожжённых убийц, не боявшихся ни стали, ни крови, волосы на головах зашевелились. Они смотрели на неё, потом на меня, и в их глазах плескался первобытный, животный ужас перед неведомым, перед тем, что нельзя проткнуть мечом.

Тот, что схватил меня, отшатнулся, выронив нож и что-то бормоча про нечистую силу. Его лицо из багрового стало землисто-серым. Его подельники попятились к выбитой двери, крестясь и шепча молитвы.

Я не стала ждать. Воспользовавшись этим мгновением, этим спасительным ступором, я рванула прочь. Мимо остывающего тела отца, мимо застывших в ужасе убийц, прочь из избы, в холодную, мокрую ночь, в спасительную тьму.

Босиком, по ледяной, хлюпающей грязи, по колючей стерне, под хлещущими струями дождя, я бежала, не разбирая дороги. В лёгких горело, каждый вдох был рваной раной, но я бежала. Я не знала, куда, но ноги сами несли меня в единственное место, где меня никогда не станут искать. К Чёрным Топям. К гиблым болотам, о которых даже самые смелые мужики в нашей округе говорили испуганным шёпотом, сплёвывая через левое плечо.

Там, на самой грани между жизнью и смертью, обессилевшую от голода, холода и страха, меня и нашла старая ведунья Сира. Она жила одна в маленькой, вросшей в землю избушке на

краю топей, и её не испугала нищая, дрожащая девчонка в рваной рубахе, от которой за версту несло смертью и чужой, тёмной, неуправляемой силой. Она приютила меня, накормила горячей похлёбкой, от которой по телу разлилось забытое тепло, и, глядя на меня своими выцветшими, но поразительно ясными, как летнее небо, глазами, сказала слова, которые стали моим единственным законом на долгие, долгие годы:

– Сила не в колдовстве, девка. Сила в том, чтобы выжить, когда весь мир хочет, чтобы ты сдохла.

ПРОЛОГ

БОГДАН

– Он лжёт, матушка, он всё лжёт!

Слова застревали в горле беззвучным, отчаянным шёпотом, обжигая нёбо. Я вцепился худыми, детскими пальцами в тяжёлый, пахнувший пылью, воском и застарелым горем аксамит портьеры, так сильно, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони. Мне было всего четырнадцать, но в тот промозглый, сырой вечер я постарел на целую жизнь, беспомощно наблюдая из своего укрытия, как мой мир, такой привычный и надёжный, как стены этой крепости, рушится, обращаясь в прах и пепел.

В центре горницы, в неровном, дёрганом свете дюжины сальных свечей, стоял он. Колдун Велислав. Его тень на стене корчилась, изламывалась, походила на громадного, омерзительного паука, что уже сплёл свою липкую, невидимую сеть вокруг моей матери, княгини Рады. Она стояла напротив него, хрупкая и бледная, словно вырезанная из воска фигурка, и смотрела на колдуна с такой отчаянной, последней надеждой, что у меня самого заходило сердце в груди.

– Умоляю, Велислав... скажи, что это неправда, – её голос, обычно такой ровный и властный, сейчас дрожал и срывался, как у напуганного ребёнка. – Скажи, что мой муж, князь Лютомир, не предатель. Он не мог... Я знаю его, он не мог! Призови его дух, пусть он сам всё скажет! Прошу тебя! Золото, земли, всё, что у меня осталось... всё твоё, только докажи его невиновность!

Велислав медленно, с какой-то гнусной, показной скорбью, от которой у меня к горлу подкатила тошнота, воздел руки к потемневшему от копоти потолку.

– Духи не терпят суеты, княгиня, – пророкотал он, и его голос, казалось, заставил пламя свечей испуганно пригнуться. – Граница между Явью и Навью тонка и опасна. Тревожить тех, кто ушёл, – великий грех и риск. Но ради вашей скорби и чести вашего рода я рискну потревожить покой теней.

Он начал ритуал. Я, затаив дыхание до боли в лёгких, видел всё. Горький, удушливый дым от сожжённых на медном блюде трав, который вился по полу ядовитыми змеями, щекоча мне ноздри. Руны, что он чертил на досках толчёным углём, и как они вспыхнули синеватым, мертвенным огнём, когда он окропил их кровью из надреза на собственном пальце. Воздух в комнате стал холодным, плотным, словно мы опустились на дно ледяного озера. А потом появилась тень... тень, что отделилась от стены, загустела, обретая смутные, колеблющиеся очертания моего отца.

Я слышал его голос – призрачный, далёкий шёпот, слова, прорвавшиеся сквозь плену, разделяющую миры. Это был не звук, а скорее эхо, рождавшееся прямо в голове. Он не каялся. Он кричал! Его бестелесный голос был полон боли, ярости и отчаяния. Он кричал о подставе, о подлоге, о том, что казна была похищена до того, как он принял её под свою охрану, по прямому приказу...

– Милаш! – прошелестел призрачный голос, и это имя прозвучало, как удар хлыста. – Это всё Милаш, брат великого князя! Он подкупил стражу... и Краг ему шептал в ухо, как лучше всё обставить... Предатели! Они предали всех!

Моё сердце забило раненой птицей, готовой вырваться из груди. Матушка будет спасена! Честь отца будет восстановлена! Я уже готов был выскочить из своего укрытия, закричать, что я тоже слышал, что всё теперь будет хорошо...

Но ритуал закончился. Тень отца истаяла, растворилась в полумраке, словно её и не было. И Велислав, медленно повернувшись к моей матери, скривил губы в подобии сочувственной, скорбной улыбки, которая была страшнее любого оскала.

– Мне жаль, княгиня, – выдохнул он ложь, пропитавшую сам воздух в комнате, сделав его густым и удушливым. – Дух вашего мужа во всём признался. Он похитил казну и готовился предать великого князя, вступив в сговор с врагами на границе. Он проклят и обречён на вечные скитания за свою измену.

Надежда в глазах матери погасла. Не угасла, не померкла – она будто разбилась на тысячи осколков, оставив после себя лишь чёрную, бездонную пустоту. Она медленно, словно сломанная кукла, у которой перерезали все нити, опустилась на колени. Её тихий, беззвучный плач, сотрясавший худые плечи, был страшнее любого крика, любого вопля. Это плакала не женщина. Это плакала умирающая душа.

Я хотел выбежать, закричать, что это ложь, что этот колдун – подлый обманщик, но тело онемело от ужаса и всепоглощающей, ледяной ненависти. И в этот самый миг холодные, всевидящие глаза колдуна метнулись к портюере, прямо туда, где я прятался. Наши взгляды встретились на долю секунды. И я с леденящим душу ужасом понял – он знает, что я здесь. Он видел и слышал всё. И он позволил мне видеть. Он наслаждался не только горем моей матери, но и моим детским бессилием, моим ужасом. В его взгляде не было угрозы. Там было нечто худшее – холодное, расчётливое презрение и обещание молчания, купленного моим страхом.

В ту ночь, когда люди Милаша пришли забирать наше поместье, матушка умерла. Просто легла на кровать, отвернулась к стене и больше не проснулась. Лекарь сказал – от разрыва сердца. А я, прячась в лесах, согреваясь у стынущего тела своего единственного верного пса, павшего от стрелы одного из дружинников, поклялся на её ещё не остывшей могиле, что найду каждого, кто был причастен к этой лжи. Каждого, кто пировал на костях моей семьи.

И последним в моём списке будет он. Тот, кто посмел оболгать дух моего отца. Я не просто убью его. Я вырву его душу из Нави, заставлю кричать правду до тех пор, пока его призрачный голос не охрипнет. Я стану для них всех судьёй и палачом.

Годы спустя, в редкие часы беспокойного сна, ко мне иногда приходит призрак матери. Она кладёт мне на плечо свою прозрачную, холодную руку и шепчет одни и те же слова, ставшие смыслом моей жизни, моей единственной молитвой:

«Месть не умерла, сын мой, она только спит в твоей крови, ожидая часа, когда ты станешь достаточно сильным, чтобы её накормить».

ГЛАВА 1

ЛИРА

– Не жмись к прилавку, дитяtko, будто вор у позорного столба, – голос у Сиры был тихий, шуршащий, как сухая листва под ногами, но я всё равно вздрогнула, инстинктивно вжимая голову в плечи. – Выпрямись. Ты травы продаёшь, а не душу свою прячешь. Хотя... – она сделала паузу, и в её выцветших, почти прозрачных глазах мелькнула тень древней, как сами топи, печали, – ...иногда это одно и то же.

Легко ей было баять. Её лицо – пожелтевший пергамент, испещрённый такими глубокими морщинами-рунами, словно сама жизнь вырезала на нём свои самые сокровенные тайны. Её никто в этом шумном, гомонящем, пахнущем мёдом, навозом и пряженым тестом городе не помнил молодой. Она была частью пейзажа, как старый замшелый валун на обочине. А моё лицо... моё лицо я прятала под глубоким, пропахшим дымом и болотными травами капюшонном старого плаща, и мне казалось, что каждый встречный, каждый зевака, каждая торговка с подведёнными углём бровями норовит заглянуть под него, чтобы узнать, опознать, ткнуть грязным пальцем. Четырнадцать лет прошло с той страшной ночи, когда я, семилетняя, получила первую отцовскую пощёчину за пролитое молоко, и семь лет с той, когда я, уже четырнадцатилетняя, босиком бежала к спасительным Чёрным Топям, оставив за спиной предсмертный крик отца. Но страх никуда не делся. Он жил во мне, свернувшись холодным, скользким змеёнышем под самыми рёбрами, и просыпался, жадно впиваясь ледяными зубками в сердце всякий раз, когда мы покидали спасительную сень нашего леса.

Ярмарка ревела, гудела, пела на сотню голосов, и этот многоголосый рёв был для меня пыткой. Скоморохи на ходулях, размалёванные, как языческие идолы, выкрикивали солёные, на грани скабрёзности шутки. Пузатый торговец в шёлковой рубаше, подпоясанный так туго, что казалось, вот-вот лопнет, до хрипоты расхваливал заморские ткани, переливающиеся на солнце всеми цветами радуги. В воздухе стоял густой, плотный запах дымка от жаровен, где шипели, истекая жиром, колбасы, смешиваясь со сладкой сытой, кислым духом пролитого пива и острым, неизбывным запахом лошадиного пота. Люди смеялись, толкались, ругались, торговались – они жили. А я стояла у нашего скромного прилавка, заставленного пучками сушёных трав, склянками с мазями и берестяными тесками с кореньями, и чувствовала себя призраком. Чужой, бесплотной тенью на этом яростном празднике жизни.

– Корень одолень-травы почём, ведунья? – к нашему прилавку, пошатываясь, подошёл дюжий мужик с такой густой рыжей бородой, что в ней, казалось, мог бы свить гнездо целый выводок воробьёв. От него за версту несло хмелем и луком.

– Тебе, мил человек, от чего одолевать надобно? – Сира прищурила свои светлые, всевидящие глаза, разглядывая его так пристально, словно видела не только красную от выпитого рожу, но и всё его тёмное, замутнённое нутро. – От хвори телесной али от тоски душевной? Или, может, от жены сварливой?

– Да жена... – мужик смущённо крякнул и почесал затылок. – Третий день в лёжку, мается животом, крутит её, бедолагу. Лекарь ваш городской, змей подколотный, только головой качает да серебро тянет, а толку – ноль.

– Животом мается – это не шулки, – серьёзно кивнула Сира, её лицо вмиг стало строгим. – Вот, возьми ромашку да зверобой. Отвар сделаешь крепкий, трижды в день поить будешь. А одолень-трава тут ни к чему, она от злых духов да дурных мыслей помогает, а не от несвежего пирога. Не возьму с тебя денег, ступай. Да передай жене своей, чтоб на ярмарке еству всякую не хватала, не глядя.

Мужик удивлённо хлопнул глазами, недоверчиво посмотрел на протянутые пучки трав, потом на Сиру. Он, видно, привык, что за всё в этом мире нужно платить, а тут... Он сгрёб

травы своей огромной лапищей и, смущённо буркнув что-то похожее на благодарность, быстро скрылся в гудящей толпе.

– Зачем ты так? – тихо, почти беззвучно упрекнула я, когда он отошёл. – Нам же на соль и крупу заработать надо. Мешок муки сам себя не купит.

– Жалость, Лира, иногда дороже серебра стоит, – не оборачиваясь, ответствовала Сира, аккуратно перебирая свои пахучие сокровища. – Отданное даром вернётся сторицей, когда не ждёшь. А взятое с горюющего человека ляжет тяжёлым камнем на душу. Запомни это, дитя моё. Это важнее всех трав и корней.

Я тяжело вздохнула и ещё плотнее натянула капюшон, так, что грубая ткань царапала подбородок. Я помнила много её уроков. За семь лет, проведённых на краю Чёрных Топей, я научилась понимать безмолвный язык ветра и тревожный шёпот болотных духов, что прячутся в тумане. Я могла отличить съедобный корень от ядовитого по одному лишь запаху земли, в которой он рос, знала, какая трава уймёт жгучую боль, а какая остановит хлещущую кровь. Сира научила меня выживать там, где другие находят лишь смерть. Но главный её урок – как жить среди людей, не боясь их, – я так и не выучила. Они были для меня страшнее любой лесной твари, любого волка с горящими в ночи глазами. Зверь убивает от голода или страха, защищая свою жизнь. Человек – от злобы, от зависти или просто так, от скуки, чтобы посмотреть, как красиво умирает другое живое существо.

Внезапно весёлый, многоголосый гомон ярмарки разорвал истошный, леденящий душу женский крик. Он был таким пронзительным, таким полным животного, первобытного отчаяния, что даже скоморохи на ходулях замерли, нелепо покачнувшись. Толпа колыхнулась, как единый организм, и испуганно расступилась, и я увидела её.

Молодая женщина, простоволосая, с разметавшимися по плечам тёмными прядями, в разорванной на груди рубаше, стояла посреди образовавшегося круга. На руках она качала маленький, безвольный свёрток. Мёртвого ребёнка. Её лицо было искажено нечеловеческим горем, превратившись в страшную маску, глаза – безумны, выжжены изнутри пожаром потери. И эти безумные, полные мутных слёз глаза уставились прямо на нас. На меня и на Сиру.

– Вот они! – закричала она, и её голос сорвался на пронзительный, режущий уши визг. – Ведьмы! Это они погубили моего сыночка! Они!

Сердце не просто ухнуло куда-то в пятки – оно остановилось, превратившись в кусок льда. К горлу подкатила ледяная, горькая тошнота. Я узнала её. Дня три назад она, спотыкаясь, прибежала к нашей избушке на самом краю топей, рыдая и умоляя спасти дитя, которое уже горело в лихорадке и хрипело, не в силах вздохнуть. Сира долго осматривала крохотное, синюшное тельце, качала головой, дала отвар, чтобы хоть немного облегчить страдания, но честно и прямо сказала – поздно. Хворь уже забрала его душу, вцепилась в неё своими невидимыми когтями, и ни травы, ни заговоры тут не помогут.

– Они! – женщина сделала несколько шагов в нашу сторону, протягивая перед собой мёртвое тельце, как страшное, неопровержимое обвинение. – Я просила помощи! Я на коленях умоляла! А она дала ему своё ведьмовское пойло, и он умер! Умер у меня на руках! Задохнулся!

Толпа, до этого момента весело галдевшая, затихла. И в этой внезапной, оглушительной тишине слова обезумевшей от горя матери упали, как тяжёлые камни в стоячую воду, порождая круги страха и первобытной ненависти. Я видела, как меняются лица людей вокруг. Праздное любопытство сменялось подозрением, подозрение – глухой, иррациональной злобой. Древний, липкий страх перед непонятным, перед колдовством, перед самой смертью, которую они увидели так близко, выполз наружу, и ему срочно нужен был виновник.

– Уймись, дочка, – шагнула вперёд Сира, выставив перед собой сухую, морщинистую ладонь, словно пытаясь остановить надвигающуюся волну людского гнева. – Великое у тебя

горе, и сердце моё плачет вместе с твоим. Но не наша в том вина. Сын твой был уже отмечен Мареной, когда ты принесла его ко мне. Я сделала всё, что могла.

– Ложь! – взвыла женщина, и её лицо перекошилось от ярости. – Ты отказалась помочь! Ты прогнала меня! Ты наслала порчу! Ведьма!

И это слово, брошенное в мёртвой, звенящей тишине, стало искрой, упавшей в пороховой погреб. Толпа загудела, зашевелилась, плотнее сжимая кольцо вокруг нашего жалкого прилавка.

– Ведьма...

– И девка с ней, глянь, прячется под капюшоном... очи-то какие, болотные, недобрые...

– Поговаривали, что они на топяx живут, с нечистью якшаются... Там честному человеку и шагу не ступить!

– Гнать их надо! Нет, судить!

Я заметила их не сразу. Двоих. Крепких, коротко стриженных молодцов в добротных кожаных куртках, какие носит младшая княжеская дружина. Они не кричали, как остальные. Они стояли чуть поодаль, но именно их тихие, ядовитые реплики, брошенные в нужный момент, подливали масла в огонь. «Точно, я слышал, она скотину у соседа испортила», – обронил один. «А у моей свояченицы молоко прокисло, как эта девка мимо двора прошла», – поддакнул второй. Они не выглядели обезумевшими от страха или гнева. Их глаза были холодными и расчётливыми. Они работали. И я почти физически ощутила ледяное дыхание чужой, злой воли, стоящей за этим стихийным, казалось бы, гневом. Воли, носившей имя младшего княжича, Милаша, чья жестокость и распутство стали притчей во языцех даже в самых глухих деревнях.

– Бежим, – прошептала я, мёртвыми пальцами вцепляясь в сухой, твёрдый рукав Сиры. Её рука, которую я стиснула, была холодной как лёд.

– Поздно, – так же тихо, почти одними губами, ответила она, и в её голосе я впервые за все эти годы услышала глухую, страшную безнадёжность.

Она была права. Кольцо людей сомкнулось окончательно. Их были десятки. Мужики с кулаками размером с мою голову, бабы с искажёнными злобой лицами, даже дети, подражая взрослым, показывали на нас пальцами и что-то визгливо кричали. Мы попытались обойти прилавок, рвануть в сторону узкой улочки, что вела из города, но путь нам тут же преградили.

– Куда собрались, отродья змеиные? – прорычал тот самый рыжий бородач, которому Сира только что дала травы для жены. Его лицо уже не выражало смущения, только тупую, бычью ярость.

И тут полетело первое. Не камень. Гнилой, раскисший кочан капусты, брошенный кем-то из задних рядов. Он с мерзким, влажным хлопаньем ударился о плечо Сиры, оставив на её старом плаще мокрое, вонючее пятно. За ним – ком липкой грязи, угодивший мне в капюшон. А потом – камень. Маленький, но острый, он со свистом пролетел мимо моей головы и рассёк Сире бровь. По её морщинистой щеке, прочертив тёмную борозду в пыли, медленно потекла тонкая струйка тёмной, почти чёрной крови.

Она пошатнулась, но устояла. Она смотрела на них – не со страхом, не с ненавистью. С какой-то глубокой, вселенской печалью. Словно видела перед собой не озлобленных, обезумевших людей, а неразумных, напуганных детей, творящих страшную, непоправимую глупость.

– Опомнитесь! – её голос прозвучал на удивление твёрдо и чисто, перекрывая гул толпы. – Что вы творите? Грех на душу берёте!

Но её уже никто не слушал. Толпа превратилась в единого, многоголового зверя, почуявшего запах крови. Раздался новый злобный крик, и ещё один камень, побольше, с глухим стуком угодил Сире в висок. Она коротко, по-птичьи вскрикнула, её ноги подкосились, и она

стала медленно, как срубленное дерево, оседать на землю, прямо в грязь и рассыпанные, растоптанные пучки целебных трав.

В этот миг мир для меня сузился до её падающего тела, до струйки крови, смешивающейся с тонкими седыми волосами. Холодный змеёныш страха внутри меня вдруг развернулся, вырос до размеров чудовища и вырвался наружу отчаянным, полным невыносимой боли и животной ярости криком:

– Сира!

Я метнулась к ней, пытаюсь подхватить, заслонить своим телом, но чья-то грубая рука отшвырнула меня в сторону, как назойливую собачонку. Я упала на колени рядом с ней, видя, как её глаза медленно закатываются, а из приоткрытых губ вырывается тихий, пузырящийся стон.

В этот момент на площадь, грубо расталкивая толпу нагайками, выехали стражники в стёганных кафтанах и тусклых железных шлемах. Они окружили нас, оттесняя самых ретивых. Но это не было спасением. Я видела их холодные, безразличные, как речные камни, лица. Они приехали не защищать. Они приехали вершить «правосудие» для толпы.

– В темницу их! – рявкнул старший стражник, бородатый усач с лицом мясника, которому только не хватало окровавленного топора в руках. – Великий князь разберётся!

А из толпы, подхватив его слова, донеслось торжествующе-злое, окончательно убивая во мне последнюю, крохотную искорку надежды:

– Сжечь ведьм!

ГЛАВА 2

БОГДАН

– Хлеб чёрствый, похлёбка – вода водой, а просят, будто за княжеский пир, – проворчал Абдула, с сомнением ковыряя ложкой в глиняной миске. – Столица.

Я молча отломил кусок от краюхи, которая могла бы с успехом заменить метательный камень. Мы сидели в углу шумной корчмы на окраине Переяслава, столицы великого князя Святозара. Утренний гомон уже всю заливал заведение, смешивая запахи кислой браги, дешёвого табака и вчерашней гари. От моей крепости до этих стен – три дня пути, и каждый шаг по этой земле был для меня хождением по углям. Четырнадцать лет я не был здесь, в сердце земель, где мой род втоптали в грязь.

– Мы здесь не за яствами, друг мой, – отозвался я, понизив голос. – Дело почти сделано. Стены стоят, рвы выкопаны, воины на местах. Осталась последняя малость.

– Малость, без которой всё это – лишь груда камней и брёвен, – кивнул Абдула, его лицо с ритуальными шрамами оставалось невозмутимым. – Крепость без магической защиты – что воин без души. Ловушка для духов готова, но сам дом наш уязвим. Нам нужен Сердце-камень. И для его пробуждения нужна Живая слеза топей.

Я мрачно кивнул. Мы скупили всё, что могли: редкие металлы, кости древних зверей, свитки с рунами, которые обошлись мне в целое состояние. Но главный компонент, тот, что должен был связать воедино всю магическую защиту крепости, оставался недостижимым. Трава, что росла лишь в самых гиблых, непроходимых болотах. Трава, найти которую могла лишь та, кто говорит с духами топей.

– И где нам искать эту ведунью, способную достать траву из пасти хтони? – Абдула отодвинул миску. – На ярмарке среди торговки сушёнными мухоморами? Сомневаюсь, что найдём там что-то путное. Такие, как нам надобно, в города не ходят.

– А нам и не нужна лучшая, – возразил я, и в голове начал складываться замысел. – Нам нужна любая. Любая ведьма, травница, знахарка. Та, что сможет указать путь или хотя бы дать наводку. А заодно... – я сделал паузу, – мы проверим её. Так ли она хороша? Может, знает кого посильнее? Кого-то, кто не только травы, но и духов видит...

Абдула поймал мой взгляд, и в его тёплых, коньячного цвета глазах мелькнуло понимание. Он знал о моей главной цели. Не защита крепости, нет. Это было лишь средством. Целью была Ловчая душ. Проводник. Мой ключ к отмщению.

– Ты прав, – согласился он. – Обратимся к ведьме за одним, а выведем другое. Хороший замысел.

Я как раз собирался позвать мальчишку-слугу, которого мы ещё с вечера наняли за серебряный, чтобы носил нам все городские слухи, как он сам, запыхавшись, подлетел к нашему столу.

– Княжич! – выпалил он шёпотом, озираясь. – Там... на площади...

Я вскинул на него взгляд, и пацан поперхнулся словами.

– Говори толком, – мой голос прозвучал резче, чем я хотел.

– Ведьм судят! – выдохнул он. – Самосудом! Ведунью какую-то с болот и девку её...

Говорят, дитя извели колдовством! Толпа рвёт и мечет, вот-вот на клочки разорвут!

Я замер. Ведунья с болот. Это могло быть что угодно. Бабьи склоки, пьяная драка, несчастный случай. Но что-то, какой-то тихий, ядовитый шёпот интуиции заставил меня напрячься. Колдун Велислав, оболгавший моего отца, тоже жил где-то на отшибе, якшался с топами и лесной нечистью. Он был мёртв уже семь лет, я заплатил за эту весть немало золота. Но у него была дочь. Девчонка, что сгинула в ту же ночь. Все эти годы мои люди искали её

след. Тщетно. Она будто в воде канула. Любая ниточка, ведущая к его проклятому имени, была для меня дороже золота.

– Абдула, остаёшься здесь, – бросил я, поднимаясь и накидывая на плечи простой дорожный плащ с глубоким капюшоном. – Я один. Тень со мной.

– Ты думаешь?.. – начал было шаман, но я прервал его.

– Я думаю, что упускать нельзя ни единой возможности, – отрезал я. – Даже самой призрачной.

Город встретил меня рёвом обезумевшей толпы. Я вышел из корчмы и, нырнув в ближайший проулок, негромко свистнул. Из тени отделилась тень побольше – мой волкодав, огромный, как молодой бычок. Он беззвучно пристроился у моей ноги, янтарные глаза внимательно сканировали толпу, а из глотки время от времени вырывалось низкое, едва слышное рычание.

Ярмарочная площадь превратилась в бурлящий котёл человеческой ярости. В центре, в кругу, очерченном стражниками, я увидел их. Старуху, лежащую на земле в луже грязи и крови, и девочку, что стояла над ней на коленях.

Я встал в тени навеса оружейной лавки, откуда всё было хорошо видно, и принялся наблюдать с холодным, отстранённым любопытством хирурга, изучающего большую плоть. Толпа выла, брызгала слюной, тянула руки, швыряла камни и гнильё. Обычная картина. Страх, помноженный на невежество, всегда рождает уродливое потомство.

Мой взгляд задержался на девочке. Худая, угловатая, в грязных лохмотьях. Она прижимала к себе голову старухи, и её спина, тонкая, почти мальчишеская, вздрагивала. Но когда она подняла голову, чтобы что-то крикнуть стражникам, я увидел её лицо. Бледное, перепачканное грязью, с тонким белым шрамом на скуле. И глаза. Огромные, тёмные, цвета затянутого тиною омута. И в них не было страха. Была ярость. Ненависть. И какая-то дикая, несокрушимая воля, которая поразила меня до глубины души.

Она не просила пощады. Она проклинала их всех одним своим взглядом. Интересно. Но пока бесполезно. Просто очередная жертва...

Я уже собирался уходить, когда до моего слуха донёлся обрывок фразы, брошенной одним из наёмников, что лениво подпирал стенку соседнего дома:

– Так ведь это ж... дочка Велислава-колдуна.

Слово ударило меня под дых, вышибая воздух. Мир сузился до этого хриплого голоса.

Дочка Велислава?! Ловчая! Мой ключ!

Сердце, молчавшее четырнадцать лет, вдруг забилось тяжело и гулко, как осадный таран. Вот она. Ниточка. Нет. Не ниточка – канат, брошенный мне самой судьбой.

В этот самый момент рёв толпы на мгновение стих, уступая место конскому топоту. На площадь, рассекая людское море, выехали всадники. Впереди, на вороном жеребце, великий князь Святозар, спокойный и непроницаемый, как изваяние. А рядом с ним, на жирной, потеющей кобыле, его младший брат. Милаш. Тот самый, чьё имя выжиг в моей памяти призрачный шёпот отца. Он не смотрел на толпу. Его маленькие свиные глазки пожирали девочку. Сальная, похотливая ухмылка кривила пухлые губы.

Наёмник, бросивший ту самую фразу, вдруг оживился. Он оттолкнулся от стены и, работая локтями, начал пробиваться сквозь толпу к княжеской свите. Я беззвучно двинулся следом, держась в тени. Тень последовал за мной, невидимый и неслышный.

– Княже! Князь Милаш! – прохрипел наёмник, дорвавшись до оцепления и отчаянно пытаясь привлечь к себе внимание. – Дочка! Дочь колдунова! Та самая!

Милаш, раздражённый тем, что его отвлекли от созерцания, лениво опустил взгляд на грязного вояку. Его пухлое лицо скривилось в брезгливой гримасе. Не говоря ни слова, он просто выставил ногу в дорогом, расшитом сафьяновом сапоге и с силой отпихнул наёмника в грудь.

– Пшёл вон, отребье! – прошипел он так, чтобы слышал только тот, кому это предназначалось.

Наёмник отлетел назад, едва не упав в грязь. Его лицо, до этого угодливое, побагровело от унижения и ярости. Он сплюнул под ноги, злобно зыркнул на сияющую спину княжича и, что-то бормоча под нос, развернулся и зашагал прочь от площади, в сторону кривой улочки, где ютились самые грязные корчмы. Идеально. Обиженный, униженный и наверняка жаждущий залить свою обиду дешёвой брагой – лучшего источника не придумаешь.

Я последовал за ним. Прежде чем нырнуть в смрадный полумрак питейного заведения, я задержался на мгновение в подворотне. Сдёрнул добротный дорожный плащ, бросив его в угол. Резким движением взъерошил волосы, придавая им вид давно нечёсаной гривы. Затем, ухватив ворот собственной рубахи из тонкого льна, с силой дёрнул, отрывая край. Теперь я выглядел не как княжич-изгнанник, а как один из сотен таких же бродяг и наёмников, ищущих работу и выпивку.

Корчма «Кривая кобыла» встретила меня запахом прокисшей браги, пота и жареного лука. Гавр – так, кажется, звали этого мужлана – уже сидел за липким столом в углу и залпом осушал глиняную кружку. Я подошёл, тяжело опустился на лавку рядом, не напротив, а именно рядом, как садятся к приятелю, и кивнул пробежавшему мимо чумазому мальчишке-слуге.

– Две кружки лучшей браги, щенок. Да поживее. И съестного какого-нибудь.

Гавр искоса зыркнул на меня мутными глазами.

– Мы вроде не знакомы, – буркнул он.

– А чего знакомиться-то? – хмыкнул я, принимая от мальчишки две дымящиеся кружки. Одну пододвинул ему. – Видел, как тебя княжич умыл. Не любит знать нашего брата, вояк. Только когда грязное дело сделать надо, тогда мы им нужны. А потом – отребье. Знакомая песня, – понимающе кивнул я.

Мои слова попали в цель. Гавр злобно стукнул кружкой по столу.

– И не говори! – прорычал он, прикладываясь к браге. – Когда надобно глотки резать да свидетелей убирать – так мы первые друзья. А как напомнить о себе вздумаешь, так он тебя сапогом в рыло! Падаль!

Я молча отхлебнул пойло, которое лишь отдалённо напоминало брагу. Мы посидели так с минуту, в напряжённом молчании, которое скрепляет обиженных мужчин лучше любых слов. Мальчишка принёс миску с жирным, дурно пахнущим варевом.

– Работы нет ни черта, – пожаловался я, ковыряя ложкой в миске. – Везде тишь да гладь. А руки-то помнят, как рукоять меча держать. Да и кулаки чешутся. А кормиться чем-то надо. Не чураться ничего, знаешь ли.

Гавр поглядел на мои руки, на широкие плечи. Оценил. В его пьяных глазах промелькнул интерес.

– С кулаками, говоришь, ладишь? – он хмыкнул. – Это дело. У меня тут есть пара ребят, тоже без дела маются. Может, и сладимся. Нынче купчишки жирные по дорогам шастают, а охраны – кот наплакал. Можно и потрясти карманы.

– Можно, – согласился я. – Дело нехитрое.

Мы выпили ещё по одной. Потом ещё.

Я почти не пил, лишь делал вид, пригубив, а сам незаметно выливал часть на грязный пол, пока Гавр осушал кружку за кружкой, становясь всё более разговорчивым. Он жаловался на жизнь, на подлость князей, на то, как его, бывалого воина, отшвырнули, как пса. Слово за слово, вопрос за вопросом, я подводил его к тому, что меня интересовало. Я прикидывался своим в доску, и он поверил.

– ...а ведь я ему тогда услужил, как никто! – бахвалился Гавр, размазывая по столу пролитую брагу. – Когда этот... Велислав-колдун... стал много о себе понимать. Думал, раз он князю Асгейру наплёл с три короба, так теперь за яйца и самого Милаша держать будет! Ха!

Княжич нам тогда мешок серебра отвалил, говорит: «Уберите его. И выродка его тоже. Чтоб и духу не осталось».

Мои пальцы под столом сжались в кулак так, что ногти впились в ладонь. Я заставил себя сохранить на лице бесстрастное выражение.

– И что, убрали? – лениво поинтересовался я.

– Колдуна-то? Как пить дать! – икнул Гавр. – Я ему сам клинок меж рёбер вогнал. А вот девка... змеёныш... сбежала. Мы её почти взяли, а она как закричит... и тут, зуб даю, из воздуха тень соткалась! Баба какая-то призрачная, плачет, а у нас от её слёз волосы дыбом встали! Мы и опешили. А она – шмыг в темень, и поминай как звали. Семь лет прошло... И вот она, на площади. Подросла, а глаза те же, ведьминские. И шрам тот же, от папаша её остался, я помню, он её перстнем прикладывал. Я к Милашу – мол, вот она, нашлась! А он... сапогом меня! Видать, не хочет старое ворошить, жирная свинья! А может, себе девку забрать захотел, он до них охоч...

Он выложил мне всё. Всё, что мне было нужно, и даже больше. Подтвердил имя предателя – Милаш. Рассказал об убийстве свидетеля. И главное – подтвердил, что девчонка не просто дочь колдуна, а носительница какой-то невиданной силы. Той самой, что мне нужна.

Когда мы, пошатываясь, вышли из корчмы, на город уже опустились густые сумерки. Гавр обнял меня за плечи, как лучшего друга.

– Пойдём, я тебя со своими познакомлю... – бормотал он. – Ты мужик правильный... Мы с тобой... мы с тобой... О! Гляди!

Он вдруг замер, уставившись в тёмный проулок, куда как раз сворачивал одинокий прохожий в добротном кафтане. В глазах наёмника вспыхнула жадная, хищная искра. Он выпустил меня и, пригнувшись, бесшумно скользнул в темноту.

Я мрачно наблюдал, как Гавр подкрался к мужику сзади и коротко, со знанием дела, ударил его рукоятью ножа по затылку. Тело обмякло и мешком рухнуло на землю. Гавр склонился над ним, собираясь перевернуть и, видимо, добить, чтобы забрать кошель.

Я шагнул в проулок. Тень выскользнул из-за моей спины, беззвучно встав над поверженным телом прохожего, его рык был похож на скрежет камней.

– А ты чего встал? Помо...

Гавр было повернулся, но договорить не успел. Мой кулак врезался ему в висок. Коротко, жёстко и безжалостно. Наёмник рухнул рядом со своей жертвой, не издав ни звука.

Я вернулся в нашу корчму. Абдула ждал, перебирая свои чётки из чёрного агата. Он поднял на меня вопросительный взгляд.

– Она – дочь Велислава, – тихо сообщил я. – И она – Ловчая. Или что-то похуже.

– Что с наёмником?

– Он больше никому ничего не расскажет, – отрезал я. – Святозар приказал бросить ведьм в темницу. Завтра будет решать их судьбу. Это наш час, Абдула. Мы должны её забрать.

Мечь обрела плоть. У неё было лицо девчонки со шрамом на скуле и глазами цвета болотного омута. И я заберу её себе. Она станет моим ключом от врат Нави. Моим оружием. Моим приговором.

Она станет моей Ловчей. И неважно, какой ценой.

ГЛАВА 3

ЛИРА

– Не плачь, дитяtko...

Сухие, потрескавшиеся губы Сиры едва шевелились, а её тихий, шелестящий шёпот тонул в густой, пропитанной сыростью и отчаянием тишине. Её голова, такая лёгкая, почти невесомая, лежала у меня на коленях, а седые, слипшиеся от крови и грязи волосы щекотали мне пальцы, которыми я судорожно пыталась удержать последние крупинки её тепла. Я поднесла к её рту фляжку с водой, которую вымолила у стражника в обмен на последнее, что у меня было – обещание не насыпать на его детей порчу, но вода лишь стекала по её запавшему подбородку, смешиваясь с грязью на щеке. Она не глотала. Её тело уже отказывалось принимать жизнь.

– Пей, Сира, умоляю... тебе станет легче... – мой собственный шёпот был рваным, похожим на скрежет камня о камень, он тонул в сырой, гулкой тишине темницы, которая пахла вековой пылью, гнилой соломой, страхом и мочой. Единственный факел, воткнутый в ржавое кольцо у решётки, отбрасывал на каменные, мокрые от конденсата стены дёрганые, уродливые тени, превращая нашу камеру в медленно пережёвывающую нас пасть неведомого чудовища.

– Легче... уже не станет, – выдохнула она, и её выпуклые, но всё ещё поразительно ясные очи на миг сфокусировались на моём лице, словно собирая последние силы, чтобы заглянуть мне прямо в душу. – Не плачь, Лира. Не трать на них свою воду. Твои слёзы – это сила. Не раздавай её даром. А тебе надобно быть камнем. Твёрдым. Острым. Чтобы о тебя ломали зубы и когти.

Её сухая, похожая на птичью лапку, рука нашла мою и слабо, но настойчиво сжала. Это прикосновение было последним якорем, удерживающим меня в реальности.

– Сила твоя... – она задышала чаще, с хрипом, словно каждое слово было острым осколком, ранящим её изнутри. – Не проклятие. Она – ключ. Дверь, которую ты сама выбираешь, открыть или оставить запёртой. Не бойся её... Договорись с ней. Она – часть тебя. Как рука или нога. Не дай другим... сделать её своим оружием... или своей клеткой. Ты – хозяйка.

Она закашлялась, и из уголка её рта показалась тонкая струйка тёмной, почти чёрной крови. Я судорожно пыталась стереть её краем своей рваной рубахи, пачкая и без того грязную ткань.

– Молчи, Сира, не говори! Побереги силы! Умоляю! Завтра придёт князь, я всё ему расскажу! Он разберётся, он справедливый, он отпустит нас!

На её губах промелькнула слабая, почти незаметная улыбка, полная вековой мудрости и горечи.

– Князья... разбираются лишь в том, что им выгодно, дитя моё... А мы для них – сор под ногами. Их справедливость – это весы, на которых с одной стороны золото, а с другой – власть. Для душ там места нет. Помни одно... выживи. Во что бы то ни стало. Выживи... и будь свободна. Это... всё, чего я для тебя хотела...

Её дыхание оборвалось. Просто замерло на полувздохе. Глаза, только что смотревшие на меня с такой любовью, подёрнулись туманной плёнкой и устали в потемневший от сырости потолок, не видя уже ничего. Рука, державшая мою, разжалась и безвольно упала на холодные камни с тихим, глухим стуком.

Всё.

Тишина, навалившаяся на меня, была оглушительной. Она давила, выжимала воздух из лёгких, заполняла уши вязким, тяжёлым гулом. Несколько долгих, бесконечных мгновений я просто сидела, окаменев, глядя на её умиротворённое, несмотря на кровь и грязь, лицо. А потом из моей груди вырвался крик. Беззвучный. Я открывала рот, горло сжималось в жесто-

ком спазме, но ни единого звука не выходило наружу. Только горячие, крупные слёзы, которые я так старалась сдерживать, хлынули по щекам, падая на её лицо, словно я пыталась омыть её своей болью, вернуть к жизни своим горем.

Она была всем, что у меня было. Единственным человеком за всю мою проклятую жизнь, кто смотрел на меня не с презрением или страхом, а с тихой, мудрой любовью. Она подобрала меня, грязного, испуганного зверька, на краю топи и вырастила, не требуя ничего взамен, научив отличать ядовитую ягоду от целебного корня, шёпот ветра от голоса духа. И теперь её не было.

Я осталась одна. Снова.

Ненависть, чёрная и вязкая, как болотная топь, поднялась со дна души, вытесняя горе, затапливая его, глуша. Ненависть к той обезумевшей от горя женщине, чей ребёнок умер от лихорадки, а не от порчи. К злобной, трусливой толпе, готовой разорвать любого, на кого укажут. К безразличным стражникам, чьи глаза были пусты, как выпотрошенные кошельки. Ко всему этому миру, который так легко убивает тех, кто несёт в него хоть каплю света.

Я осторожно, боясь потревожить её вечный покой, опустила голову Сиры на охапку гнилой соломы, укрыла её своим плащом, который был не многим лучше дырявой тряпки. А потом, ведомая слепой яростью, подползла к решётке и что было сил забарабанила по холодным, скользким от сырости прутьям.

– Стража! Эй, вы там, псы! Сюда! Она умерла! Слышите? Умерла!

Мой голос срывался, хрипел, превращаясь в звериный рык. Я колотила кулаками по железу, не чувствуя боли, сдирая кожу в кровь. Мне было всё равно. Пусть придут. Пусть убьют. Пусть сделают со мной что угодно. Лишь бы не оставаться в этой оглушающей тишине, наедине с остывающим телом и своим всепоглощающим, ледяным одиночеством.

Наконец, в дальнем конце коридора послышались тяжёлые, шаркающие шаги. Но они были не те. Стражник, приносивший нам воду, ходил иначе – лениво, тяжело, как старший, уставший медведь. Эти шаги были другими – размеренными, уверенными, хозяйскими. И они были не одни.

Из темноты показалась фигура. Не одна. Две. Впереди шёл слуга с тяжёлым кованым фонарём, свет которого выхватывал из мрака мокрые камни и ржавые цепи на стенах. А за ним... за ним шёл он. Тучный, обрюзгший, в дорогом, но измазанном вином кафтане из багряного бархата, который, казалось, вот-вот треснет на его необъятном брюхе. Это был младший брат великого князя, Милаш, тот самый, что стоял на площади и пожирал меня сальными глазками, полными похоти и жестокого любопытства.

Стражник у нашей камеры, завидев его, поспешно отворил засов, согнувшись в низком, подобострастном поклоне. Милаш вошёл внутрь, и без того тесная камера стала казаться совсем крошечной. Воздух мгновенно наполнился густым, удушливым запахом кислого вина, пота и дорогих, приторных благовоний, которыми он, видимо, пытался заглушить собственную вонь.

– Ну, ведьма, дождалась гостей? – его голос был громким, лающим, совершенно неуместным в этой скорбной тишине. Он говорил так, словно находился на пиру, а не в камере смертников.

Он брезгливо пнул ногой тело Сиры, словно проверяя, мертва ли она на самом деле.

– Р-р-р-а-а! – из моей груди вырвался нечеловеческий, гортанный рык.

Я метнулась к нему, как волчица, защищающая своего волчонка, но он, несмотря на свою тучность, оказался проворнее. Он с лёгкостью отшвырнул меня к стене, выставив вперёд окоченный сапог. Я ударилась затылком о камень, и в глазах на миг потемнело, а в ушах зазвенело.

– Тише, тише, дикая кошка, – просюсюкал он, подходя ближе. Его маленькие, глубоко посаженные глазки бегали по моему лицу, груди, ногам, не пропуская ни одной детали, ни

одной царапины, ни одной прорехи в моей одежде. – Не время сейчас коготки показывать. Время о своей драгоценной шкурке подумать.

Он присел на корточки передо мной, его багровое, лоснящееся от пота и жира лицо оказалось совсем близко. Я отшатнулась, вжимаясь в холодную, мокрую стену, стараясь дышать как можно реже, чтобы не вдыхать его смрад.

– Брат мой, великий князь Святозар, – он произнёс это с плохо скрываемым раздражением, – человек суровый, но до тошноты справедливый. Утром он устроит суд. И знаешь, какой будет приговор? – он сделал театральную паузу, наслаждаясь моим страхом. – Правильно, костёр. Толпа требует зрелищ. А князю нужна любовь толпы. Всё просто. Они будут кричать, выть от восторга, когда пламя начнёт лизать твои ножки. Представляешь? Твоё юное, гибкое тело будет корчиться, чернеть... А запах... говорят, горелая ведьма пахнет особенно сладко.

Он помолчал, давая мне в полной мере осознать весь ужас нарисованной им картины.

– Но я, – он ткнул себя коротким, пухлым пальцем в необъятную грудь, отчего перстни на нём опасно звякнули, – я человек добрый. Сердобольный. Я могу шепнуть братцу на ухо. Убедить его, что ты – девка юная, глупая, попавшая под дурное влияние старой карги. Что тебя надобно не казнить, а на путь истинный наставить. Под присмотр отдать. Под мой присмотр, разумеется.

Я молчала, глядя на него с такой концентрированной ненавистью, от которой у меня сводило скулы. Я хотела, чтобы мой взгляд мог убивать. Чтобы он мог прожечь в его жирной плоти дыру.

– А взамен... – он протянул свою пухлую, унизанную перстнями руку и попытался коснуться моего подбородка. Я резко дёрнула головой. Он самодовольно усмехнулся. – А взамен ты будешь делать то, что я скажу. Будешь хорошей, послушной девочкой. Будешь греть мою постель, ублажать моих гостей, если я того пожелаю. А может, и колдовать для меня потихоньку. Говорят, ведьмы в постели ненасытны. Проверим? И тогда у тебя всё будет. И шёлковые платья, и яства сладкие, и тёплая постель в моём тереме. А старуху твою... – он небрежно кивнул на тело Сиры, – я прикажу похоронить по-людски. Не в яме для бродяг, а на погосте. Могилку отдельную сделаю. Даже крест поставлю, хоть она и нечисть болотная. А ежели откажешься... что ж. Тебя на костёр. А её – на съедение псам за городской стеной. Выбирай, ведьма. Жизнь в шёлке или смерть в огне.

Он ждал. Самодовольный, уверенный в своей власти, в том, что у меня нет иного выбора. Он смотрел на меня, как на вещь, которую можно купить, сломать, использовать и выбросить. Он предлагал мне продать единственное, что у меня осталось – себя. Своё тело, свою душу, свою волю.

Во рту скопилось горькая, вязкая слюна. Я медленно, глядя ему прямо в его свиные глазки, собрала её и смачно, от всей души, плюнула ему в лоснящуюся, багровую рожу.

Секунду он сидел, ошеломлённый. Капля моей слюны медленно поползла по его жирной щеке, оставляя светлую дорожку. Его лицо из багрового стало пунцовым, а затем пошло тёмными пятнами. А потом его глаза сузились, и в них вспыхнула лютая, животная ярость.

– Ах ты, тварь! Падаль болотная! – взревел он так, что, казалось, задрожали камни.

Его ладонь, тяжёлая, как кузнечный молот, с размаху опустилась на моё лицо. Боль взорвалась в голове тысячей огненных искр, во рту появился солёный, медный привкус крови. Он схватил меня за волосы, дёрнул на себя с такой силой, что я услышала хруст в шее, и повалил на грязную солому.

– Я тебя научу знать уважать! – рычал он, наваливаясь на меня всем своим тучным, вонючим телом. – Я из тебя всю твою ведьмовскую спесь выблюю! Я тебя прямо здесь, в этой грязи, поимею, как последнюю шлюху! И никто тебе не поможет!

Его грязные руки рвали на мне рубаху. Треск ткани оглушил меня, прозвучав громче его рёва. Я билась под ним, царапалась, пыталась укусить, но он был слишком силён, слишком

тяжёл. Его вес давил, не давая вздохнуть. Ужас, тот самый, ледяной, всепоглощающий ужас из моего детства, когда наёмник схватил меня в нашей избе, снова поднялся во мне, парализуя волю. Я чувствовала его мерзкое, пьяное дыхание на своей щеке, видела его торжествующую, похотливую ухмылку. Я закричала, но крик застрял в горле, превратившись в жалкий хрип.

Внутри меня снова что-то натянулось до предела, как тетива, и готово было лопнуть, высвобождая тёмную, скорбящую силу, что жила во мне. Я уже чувствовала её холодное, мстительное прикосновение на границе сознания...

– Это кто тут управу без моего суда чинит, братец?

Голос раздался из дверного проёма. Он не был громким, но в нём было столько ледяной власти, что он, казалось, заморозил сам воздух в темнице. Он прозвучал, как удар стального кнута по натянутой коже.

Княжич Милаш замер, как пойманный на месте преступления вор. Он медленно, словно нехотя, поднял голову. Я из-под его руки увидела того, кто стоял в дверях. Высокий, статный, с едва заметной проседью в тёмных волосах, зачёсанных назад. В простом, но добротном дорожном костюме, без всяких княжеских регалий.

Великий князь Святозар.

Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на своего брата. Не с гневом. Не с удивлением. А с холодным, брезгливым любопытством, с каким смотрят на раздавленное на сапоге насекомое.

Борьба прекратилась. Милаш торопливо сполз с меня, отряхиваясь и пытаясь придать своему лицу подобие достоинства. Но это было невозможно. Растрёпанный, потный, со следом моего плевка, размазанного по щеке, он выглядел жалко и омерзительно.

А я лежала на грязной соломе, прикрывая рваной рубахой обнажённую грудь, и переводила взгляд с одного брата на другого. И я не знала, кто из них страшнее. Тот, кто похож на взбесившегося, похотливого кабана. Или тот, кто похож на ледяного, безжалостного волка, который смотрит на тебя, уже просчитывая, как лучше освеживать твою шкуру.

Я была лишь мышью, запертой в клетке с двумя хищниками. И моя судьба только что перестала принадлежать мне окончательно.

ГЛАВА 4

ЛИРА

– Это кто тут управу без моего суда чинит, братец?

Голос великого князя Святозара не прогремел, не ударил – он вполз в затхлый воздух темницы ледяной змеей, и от его тихого шипения, казалось, иней лёг на влажные камни. Туша боярина Крага, навалившаяся на меня, застыла, будто обратилась в камень. Секунду он не двигался, тяжело дыша мне в лицо перегаром и злобой, а потом медленно, с натужным скрипом, словно несмазанный механизм, сполз с меня и поднялся на ноги, торопливо отряхивая свой дорогой, расшитый золотом кафтан.

Я осталась лежать на грязной, вонючей соломе, судорожно запахивая рваные края рубахи. Воздух обжигал лёгкие, тело била мелкая дрожь – не от холода, а от пережитого ужаса и захлестнувшей меня волны унижения. Но сквозь всё это пробивалась и другая, сторонняя мысль: я впервые видела двух братьев-княжичей и их прихвостня боярина Крага рядом, и трудно было поверить, что в них течёт одна кровь.

Милаш – рыхлый, багровый, похожий на перекормленного борова, от которого даже в этом промозгом подземелье исходил жар и вонь. Его маленькие глазки, только что горевшие похотью и яростью, теперь бегали, ища оправдания. Он торопливо отряхивал свой кафтан, будто пытался стряхнуть с себя не только тюремную грязь, но и собственную низость.

Святозар же был выкован из иного металла. Высокий, подтянутый, с лицом, будто высеченным из серого гранита – ни единой лишней черты, ни единой эмоции. Тёмные волосы с благородной проседью на висках, аккуратно подстриженная борода и глаза... Его глаза были страшнее. Тёмные, глубокие, они не выражали ни гнева, ни удивления – лишь холодное, брезгливое любопытство учёного, разглядывающего подползшую к его сапогу гусеницу.

– Я... я тут это... допрос чинил, – прохрипел Краг, его голос потерял всю свою лающую уверенность, став заискивающим и жалким. – Ведьма эта... дерзкая, как шайтан. Пришлось уму-разуму поучить. Для пользы дела, вестимо.

Святозар даже не удостоил его взглядом. Его внимание было приковано ко мне. Он смотрел не так, как его брат или боярин. Во взгляде Милаша была простая, животная похоть. Во взгляде Крага – злоба и жажда власти. Во взгляде великого князя было нечто иное, куда более пугающее. Он смотрел на меня так, как коваль смотрит на кусок необработанного железа, прикидывая, какой клинок из него можно выковать. Оценивал. Изучал.

– Поднимись, – приказал он. Голос был ровным, безразличным, и от этого приказа невозможно было послушаться.

Я медленно, преодолевая боль в затылке, поднялась на ноги. Стояла перед ним, босая, в лохмотьях, с разбитой губой, но спину держала прямо. Весь мой страх, вся боль сжались в один тугой, ледяной комок где-то в животе. Я смотрела ему прямо в глаза, потому что знала: стоит мне отвести взгляд, и он раздавит меня, как букашку.

– Имя, – бросил он.

– Лира.

– Лира, – он словно попробовал имя на вкус, и оно ему не понравилось. – Мой брат и его верный боярин утверждают, что ты ведьма. Что ты погубила дитя и якшаешься с нечистой силой. Это правда?

Милаш тут же встрепенулся, желая вставить своё веское слово.

– Да я тебе говорю, Святозар, она...

– Я не с тобой баю, – отрезал князь, всё так же не глядя на брата. Холод в его голосе стал таким плотным, что, казалось, им можно было резаться. Милаш захлопнул рот и лишь злобно засопел, побагровев ещё сильнее.

Святозар снова посмотрел на меня, ожидая ответа.

– С духами якшаешься? – лениво поинтересовался он.

Я горько усмехнулась, и разбитая губа отозвалась острой болью.

– Не моя то прихоть, светлый князь. Проклятие, а не дар. Я их вижу. Слышу их скорбь.

Иногда... иногда они меня слушают.

– И что же поведал тебе дух того ребёнка? – в его голосе проскользнуло едва заметное любопытство. Он не высмеивал, не сомневался – он задавал вопрос, как будто мы говорили о погоде или урожае.

– Его дух уже покинул тело, когда мать принесла его ко мне, – мой голос звучал хрипло, но твёрдо. – Хворь выпила его до дна. Но в доме их... там остался другой. Дух её свекрови, что умерла с год назад от тоски по мужу. Она не желала зла, лишь хотела утешить внука, забрать его с собой, подальше от слёз и горя. Она звала его, и мальчик, ослабленный болезнью, пошёл на её зов. Я пыталась объяснить это его матери, но горе лишило её разума.

Я говорила, и сама удивлялась своему спокойствию. Словно смерть Сиры выжгла во мне всё, кроме холодной, звенящей пустоты. Я видела, как чуть дрогнули брови Святозара. Он ожидал чего угодно – слёз, мольбы, проклятий, – но не такого спокойного, почти отстранённого ответа.

– Любопытно, – протянул он. – Ты говоришь о духах, как о надоедливых соседях.

– Для меня они и есть соседи. Незваные и вечные, – дерзко ответила я, глядя ему прямо в глаза.

– Отдай её мне, Святозар! – не выдержал Милаш, шагнув вперёд. – Я выбью из неё всю эту дурь! Будет у меня в тереме полы мыть да сапоги чистить! А ночью... ночью будет молитвы читать, грехи замаливать! Клянусь, через месяц станет шёлковой!

Он жадно смотрел на меня, и я видела в его глазах не только похоть, но и желание унижить, растоптать то, что ему не досталось. Он хотел сломать меня за мой плевок, за моё сопротивление.

Святозар наконец повернул голову и окинул брата долгим, тяжёлым взглядом. На его тонких губах появилась тень улыбки, но от неё по моей спине пробежал мороз. Это была улыбка волка, смотрящего на зарвавшегося щенка.

– Ты, братец, всегда мыслишь желудком да тем, что ниже, – с ледяной усмешкой проговорил он. – Тебе бы лишь девку в постель затащить да потешить свою требуху. А я мыслю о казне. О порядке. О пользе для княжества.

Он снова повернулся ко мне. Его взгляд стал жёстким, как сталь.

– Духов, говоришь? Лира, а родители у тебя кто? – кивнул Святозар, пристально смотря мне в глаза. Его взгляд был словно бурав, пытающийся проникнуть под кожу, в самые потаённые уголки души. Я не отвела взгляд, встречая его стальную волю своей, болотной, вязкой и упрямой.

– Кто был, того уж нет, – брякнула я под нос, но так, чтобы он точно услышал. Каждое слово было маленьким, острым камнем, брошенным в его сторону.

– А родом откуда? С этих мест? – не унимался он, его интерес был уже не праздным, а цепким, хищным.

Я обвела взглядом сырые стены, гнилую солому, остывающее тело Сиры.

– Такой меня болота породили...

– Остра на язык, не отнять, – задумчиво протянул великий князь, склоняя голову то направо, то налево, словно примериваясь. – Вот только... лицо мне твоё знакомым кажется. Давно не видал, но помню. Глаза... – он на миг замолчал, вглядываясь так пристально, что мне стало не по себе. – Такого цвета не видал. Вернее, видал, только у двух человек. У одной девчонки, совсем мала была тогда, когда видал её последний раз, и у её отца. Знатный колдун был. Сильный. Он тоже, ежели мне не изменяет память, с духами говорил. Велислав...

Имя ударило меня под дых, вышибая воздух из лёгких. Я не хотела, всеми силами старалась сдержаться, но тело предало меня. Я дёрнулась, едва заметно, но этого хватило. Давненько я не слыхала имени своего отца. Признаться, и далее бы не слыхала, вот только князь попал в самую больную точку, от того стало душно, словно кто-то накинул мне на голову тяжёлый мешок.

– Что? – глухо ахнул Милаш, теперь уставляясь на меня с новым, злым подозрением. Его пьяная похоть мгновенно испарилась, сменившись трезвым, животным страхом. – Быть того не может, змеёныш тот канул в болотах...

Он осёкся на полуслове. Я видела, как в его мутных глазах бешено закрутились шестерёнки, сопоставляя дважды два. Шрам на моей скуле. Мой возраст. Имя отца. Он тоже вспомнил. И теперь уже смотрел на меня налитыми кровью глазами, в которых плескался первобытный ужас убийцы, встретившего призрак своей жертвы. Краг тоже побледнел, его лоснящееся лицо приобрело землистый оттенок.

– Выжила, значит? – прохрипел он, и это был не вопрос, а констатация самого страшного для него факта.

– Ага, значит, она самая... его дочь... – победно, с кривой, хищной ухмылкой подытожил Святозар. Он наслаждался этим миготом, как гурман наслаждается редким вином. Он смотрел на брата и боярина, и в его глазах плясали злые, весёлые огоньки. – А ты её... как девку сенную завалить желал. Эх, Милаш, я тебя, считай, от быстрой расправы спас. Кто его ведаёт, чтобы она с тобой сотворила без амулета подчинения? Дочка Велислава – это тебе не крестьянка с поля. С такими надобно осторожнее.

– Уж, спасибо, брат, подсобил... – пробормотал Милаш, не сводя с меня пытливо-злых, полных ненависти глаз. В его взгляде теперь смешались страх, злость и какая-то новая, извращённая жадность. Он больше не видел во мне просто девку. Он видел опасную тварь, которую во что бы то ни стало нужно загнать в клетку.

– Дело твоё, Милаш, но я бы сотню раз подумал, нужна ли такая в хозяйстве, даже ежели для постели хороша... – протянул Святозар, с явным удовольствием наблюдая за терзаниями брата. – Такая... игрушка может и пальцы откусить. Вместе с рукой.

– Ничего, – прошипел Милаш, облизнув пересохшие губы. – Зубки мы ей быстро обломаем. Все до единого. Я знаю, как с такими ведьмами обходиться. Отец её тоже был силён, да только и его на нож посадили. И эта сядет. Куда я скажу.

Святозар хмыкнул, довольный произведённым переполохом. Теперь он знал слабое место брата и его покровителя. И знал мой главный секрет. Он владел ситуацией полностью. Он не просто наблюдал, он дирижировал этим маленьким спектаклем унижения и страха.

– Толпа на площади требует крови, – напомнил он, возвращаясь к своему первоначальному плану, который теперь обрёл новые, куда более интересные краски. – Они видели смерть, они напуганы. И им надобно дать то, что их успокоит. Костёр – это, конечно, зрелищно, но дымно и невыгодно.

Он сделал паузу, наслаждаясь тем, как мы все – я, Милаш и Краг – замерли в ожидании его вердикта.

– Вот что... – Святозар отбил пальцем с тяжёлым перстнем-печаткой какой-то свой, внутренний ритм. – Завтра на площади будет большая ярмарка, и невольников продавать станут... И её выставим.

Я замерла, не веря своим ушам. Продавать. Как скотину. Как вещь.

– А там, кто больше даст, тому и достанется, – продолжил он, и его голос был абсолютно бесстрастен, словно он говорил о мешке с зерном. – Польза казне, и толпа довольна будет – ведьму не отпустили, а продали в рабство. Всё по закону. Всё чинно.

– Что?! – взревел Милаш. – Продавать?! Да я её... Да я за неё...

– А ты, братец, ежели так сильно её желаешь, можешь поучаствовать в торге, – глаза Святозара сверкнули злым, насмешливым огоньком. – Наравне со всеми. Коли денег хватит, конечно. А то, я слышал, ты наемни в кости опять проигрался. Или у боярина Крага займёшь? Он, я вижу, тоже к девице неравнодушен.

Это был удар под дых. Публичное унижение. Милаш побагровел до корней своих редких, сальных волос. Он открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба, но не мог выдать ни слова. Краг же сжал кулаки так, что побелели костяшки, и бросил на князя взгляд, полный яда.

– А ежели никто не пожелает купить такую... диковинку, – Святозар снова окинул меня оценивающим взглядом, – тогда – на плаху! Чтобы другим ведьмам неповадно было детей изводить. Справедливость должна восторжествовать. В том или ином виде.

Он развернулся и, не говоря больше ни слова, направился к выходу. Слуга с фонарём поспешил за ним. Милаш бросил на меня взгляд, полный такой лютой, бессильной ненависти, что я поняла – он скорее даст меня сжечь, чем позволит кому-то другому купить. Он прошипел что-то похожее на проклятие и вывалился из камеры следом за братом. Краг задержался на мгновение, его глаза впились в меня, как два раскалённых гвоздя, обещая муки и смерть. Затем и он исчез в темноте коридора.

Тяжёлая дубовая дверь захлопнулась. Засов со скрежетом встал на место.

Я осталась одна. В тишине. Рядом с остывающим телом единственного близкого мне существа.

Я медленно опустилась на колени. Слёз больше не было. Горя тоже. Внутри выжженной дотла души остался лишь холод. Холодное, твёрдое, как камень, осознание.

Всю жизнь я была вещью. Для отца – разочарованием, пустышкой, сосудом для непонятной силы. Для Милаша и Крага – объектом похоти, игрушкой, которую можно сломать. Теперь для великого князя – товаром. Пешкой в его изошрённой игре, которую он двигает, чтобы уязвить других, более сильных игроков. Он не просто продаёт ведьму, он выставляет на позор своего брата и его покровителя, заставляя их либо раскошелиться, либо признать своё поражение.

Завтра меня выведут на помост, будут оценивать, как лошадь, щупать, как рабыню, торговаться за мою душу.

Я прижалась лбом к холодным, мокрым прутьям решётки. Нет. Они не получают мою душу. Они могут купить моё тело, заковать его в цепи, заставить работать до седьмого пота. Но то, что было внутри... то, что видит духов и слышит шёпот ветра, то, чему учила меня Сира... это останется моим.

«Сила не в колдовстве, девка. Сила в том, чтобы выжить, когда весь мир хочет, чтобы ты сдохла», – прозвучал в моей памяти её тихий, шуршащий голос.

Я выживу. Я стану камнем. Твёрдым. Острым. И дождусь дня, когда этот камень можно будет бросить в лицо моим мучителям. Я дождусь. Даже если на это уйдёт вся жизнь.

ГЛАВА 5

ЛИРА

– А ну, шевелись, ведьма! Княжеский товар не должен опаздывать на торг!

Грубый толчок в спину вырвал меня из оцепенения. Два дюжих стражника, от которых разило потом, чесноком и дешёвой брагой, выволокли меня из смрадной темноты подземелья на залитую безжалостным утренним солнцем площадь. Я зажмурилась, ослеплённая, и в горле встал сухой, колючий ком. Мир взорвался звуками и запахами. Гомон сотен голосов, пронзительные крики зазывал, весёлый, до тошноты беззаботный наигрыш жалейки, громкий смех, плач ребёнка, ржание лошадей, визг жарящегося на вертеле поросёнка – всё это обрушилось на меня оглушительной, дурманящей лавиной. Пахло свежеиспечённым хлебом, мёдом, пряностями, горячим железом из кузни, конским навозом и вековой пылью, вьёвшейся в брусчатку. Яркие ленты трепетали на ветру, на лотках горами возвышались расписные горшки, цветастые платки-ширинки и блестящие поделки ковалей.

Весь этот весёлый, кипящий жизнью мир казался диким, нереальным кошмаром. Вчера он судил меня, улюлюкал и бросал камни. Сегодня он снова смеялся, торговался и ел сладкие яства, а меня вели на продажу, как последнюю скотину, как вещь, у которой отняли даже право на имя.

Меня грубо подтолкнули к высокому деревянному помосту в центре площади. На нём уже стояло несколько фигур – моя каменная клетка сменилась другой, у всех на виду, под тысячами любопытных и равнодушных взглядов. Двое дюжих, заросших щетиной мужиков с пустыми, выцветшими глазами, захваченные в набеге на пограничье; молоденькая, испуганная до полусмерти девчонка, лет четырнадцати, то и дело всхлипывающая и кусающая до крови губы; и дородная, багровая от стыда стряпка, обвинённая в краже серебряной ложки у хозяев. Она стояла прямо, не плакала, но её руки, сцепленные в замок, дрожали так мелко, что казалось, вот-вот рассыплются костяной пылью.

– А ну, становись в ряд, нечисть! – рявкнул пузатый, потный мужик в красной рубахе, очевидно, главный торгаш. Его маленькие, свиные глазки обежали нас оценивающе, прикидывая будущий барыш.

Он подтолкнул меня к остальным. Я споткнулась, но устояла на ногах, впившись босыми пальцами в шершавые, горячие от солнца доски.

«Ты – камень, – звучал в голове тихий, шуршащий голос Сиры, её последнее напутствие перед тем, как её дыхание оборвалось у меня на коленях. – Твёрдый. Острый. Пусть они точат об тебя свои зубы, пусть ломают клинки. Камень не чувствует. Камень просто есть».

Я подняла голову и обвела толпу взглядом. Сотни лиц. Любопытные, равнодушные, злобные, жадные, похотливые. Они сливались в единую пёструю, колышущуюся массу, в многоголовое чудище, жаждущее зрелищ. Я искала одно лицо. И нашла. В первых рядах, в окружении холуёв, распахивающих простой люд, стоял Милаш. Он был одет в новый, ещё более дорогой и тесный кафтан кармазинного цвета, расшитый золотом так густо, что слепил глаза. Его багровое лицо лоснилось от пота и предвкушения. Он не просто смотрел на меня – он пожирал меня глазами, уже ощущая вкус своей победы, своей мелкой, гнусной мести за вчерашнее унижение. Он был абсолютно уверен, что я достанусь ему, что он раздавит меня, как букашку, посмевающую проползти по его сапогу.

Торг начался. Пузатый торгаш, хлопнув в ладоши для привлечения внимания, принялся расхваливать товар.

– Смотрите, люди добрые! Два работника – зверюги! Не люди, а волы! В поле пахать, камни таскать – цены им нет! Ни болезней, ни жалоб от них не услышите! Кто даст десять серебром за пару?

Какой-то приземистый боярин в бобровой шапке, лениво ковырявший в зубах щепкой, небрежно махнул рукой.

– Пятнадцать, и забираю обоих.

– Пятнадцать! Щедрая цена от боярина! Кто больше? – заорал торгош, но желающих не нашлось. Никто не хотел тягаться с местным богатеом из-за двух пленных. – Пятнадцать, раз! Пятнадцать, два! Продано боярину! Увести!

Стража грубо стащила мужиков с помоста. Те даже не сопротивлялись, шли с покорностью обречённых, глядя себе под ноги, словно уже не чаяли увидеть небо.

Следующей была стряпка.

– А вот хозяйшка! И стряпать горазда, и телом дородна! Не ленива, не болтлива! Язык за зубами держать умеет! Всего-то за ложку серебряную в неволю попала! Кто возьмёт добрую работницу за пять серебряшек?

За неё поторговались чуть дольше. Хозяин корчмы и жена лавочника долго препирались, выкрикивая цены, перебивая друг друга и яростно жестикулируя.

– Шесть! – провизжала жена лавочника, ткнув пальцем в сторону стряпки. – И ни медяшкой больше!

– Шесть и гривна! – пробасил корчмарь. – Мне на кухне такая баба нужна, чтобы тесто месила, а не сопли по углам размазывала!

В итоге стряпка ушла за семь монет и две медные гривны к лавочнику. Её увели, и она, уходя, бросила на меня быстрый, полный сочувствия взгляд, от которого внутри что-то болезненно сжалось.

Когда очередь дошла до плачущей девчонки, Милаш, которому, видимо, надоело ждать, не выдержав, шагнул вперёд.

– Три серебром, и хватит с неё! – рявкнул он, бросая монеты на помост. Они звякнули сиротливо и покатались по доскам.

Никто не посмел перебить. Толпа затихла, боясь даже дышать в его сторону. Его люди тут же грубо схватили рыдающую девушку и уволокли её прочь, её отчаянный, тонкий плач потонул в шуме толпы. Милаш сделал это играючи, небрежно, чтобы показать всем, кто здесь хозяин. Чтобы напомнить, что любая жизнь здесь стоит ровно столько, сколько он готов за неё заплатить.

Он повернулся ко мне, и на его сальном лице расплылась торжествующая ухмылка. Теперь моя очередь.

– А теперь – главный товар! – взревел торгош, хватая меня за плечо и разворачивая лицом к толпе. Его рука была липкой и неприятной, и я с трудом подавила желание вцепиться в неё зубами. – Диковинка! Ведьма болотная! Говорят, с духами бает и хвори напускает! Но молода, жилиста! Смотрите, какая стать! Ежели кнут добрый к ней приложить да обручье невольника надеть – будет и в поле пахать, и в постели ублажать! Любому господину утеха! Кто даст первую цену за дикую кошку? Ну же, бояре, не скупитесь!

Толпа загоготала. В меня полетел огрызок яблока, шлёпнувшись о доски у самых ног и оставив мокрый, липкий след. Кто-то выкрикнул похабную шутку, от которой у меня запыхали уши. Я стояла, вцепившись пальцами в рваные края своей рубахи, и заставляла себя дышать. Медленно. Ровно. Камень не дышит. Камень не чувствует.

– Десять! – тут же рявкнул Милаш, выпятив грудь. Он не торговался, он объявлял свою волю. – Десять серебром!

Толпа притихла, уважительно расступаясь перед княжеским братом. Никто не хотел связываться с ним. Всем было ясно, что этот торг – всего лишь представление для одного зрителя. Торгош просиял, кланяясь в сторону княжича.

– Десять серебром от щедрого княжича Милаша! Десять серебром! Кто даст больше? Кто посмеет потягаться с самим княжичем? Ну же, смелее! Десять серебром, раз...

– Двадцать.

Голос раздался не из первых рядов. Он был спокоен, холоден и резок, как удар кнута в звенящей тишине. Он прозвучал негромко, но его услышали все. Толпа зашелестела, как потревоженный улей, оборачиваясь, пытаясь разглядеть смельчака, посмевшегося пойти против Милаша. Сам Милаш застыл с открытым ртом, его лицо из багрового стало приобретать лиловый оттенок.

Я тоже повернула голову. И увидела.

Чуть в стороне от галдящей толпы, в тени навеса оружейной лавки, стояли двое. Они словно находились в ином мире, отделённые от этой грязной ярмарочной суеты невидимой стеной. Один был высок и сухопар, с кожей цвета тёмного мёда, обожжённой южным солнцем. Его лицо пересекали белые ритуальные шрамы, а тёплые, коньячного цвета глаза смотрели на мир с мудрым, вековым спокойствием. Он был чужаком, воином из далёких степных земель, и от него веяло запахом полыни, пыльных дорог и древней, непонятной магии. Он стоял, скрестив на груди могучие руки, и казался скалой среди бушующего моря.

Но не он произнёс это слово.

Рядом с ним стоял другой. Высокий, широкоплечий, одетый в простую, но добротную одежду из тёмной кожи и плотного сукна – такие носят купцы, что водят караваны по опасным дорогам, или наёмники, чья жизнь стоит дорого. Длинные, чёрные как вороново крыло волосы были стянуты на затылке простым кожаным шнурком. Несколько прядей выбились и упали на высокий лоб. Лицо – будто высеченное из камня: резкие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, волевой подбородок, покрытый короткой, ухоженной щетиной. Он был похож на хищника – волка или сокола, – затаившегося перед броском. В каждом его движении, в том, как он стоял, чуть расставив ноги, чувствовалась скрытая, смертоносная сила.

Но страшнее всего были его глаза. Я никогда не видела таких. Не серые, не голубые. Они были цвета оружейной стали, холодной и смертоносной, цвета застывшего свинца, в котором утонули все краски мира. Они не выражали ничего – ни жалости, ни похоти, ни интереса. Они просто смотрели на меня так, словно я была не человеком, а ключом к замку, который ему непременно нужно было открыть. Или оружием, которое он пришёл забрать. От этого взгляда по моей спине побежал не просто мороз – по ней проскрежетал могильный холод.

Торгаш опомнился первым. Его свиные глазки забегали между Милашем и незнакомцем.

– Два-а-адцать? – протянул он, не веря своей удаче. – Двадцать серебром от почтенного гостя! Княжич, ваше слово!

Милаш побагровел ещё сильнее. Его ноздри раздувались, как у взбешённого быка.

– Тридцать! – прошипел он, и в его голосе заклокотала ярость. – Тридцать!

Толпа ахнула. Тридцать серебряшек за девчонку-ведьму! Это были бешеные деньги.

Незнакомец даже не шелохнулся. Его стальные глаза не отрывались от моих.

– Пятьдесят, – ровным голосом произнёс он, и этот голос снова упал в толпу камнем, заставив всех замолчать.

Его спутник-степняк неодобрительно качнул головой, что-то тихо проговорив на своём языке, но мужчина в тёмной коже лишь едва заметно дёрнул уголком рта.

– Пятьдесят?! – взвизгнул Милаш, забыв о княжеском достоинстве.

– Шестьдесят, – проигнорировав его вопли, отрезал незнакомец. Он словно не торговался, а отсекал лишнее, приближаясь к своей цели.

Кровь отхлынула от моего лица. Я стала разменной монетой в споре двух самцов. Но если участь игрушки Милаша была мне ясна и отвратительна, то намерения этого незнакомца пугали до дрожи в коленях. Что ему нужно от меня? Зачем я ему за такие деньги?

– Семьдесят! – взревел Милаш, почти срываясь на визг. Он уже не мог отступить, его гордость, его репутация были поставлены на кон перед всей площадью.

– Сто, – прозвучал спокойный ответ. И это было не просто число. Это был приговор. Приговор торгу, приговор Милашу.

Толпа замерла. Даже торгаш перестал дышать, вытаращив глаза. Сто серебряных монет. За эти деньги можно было купить небольшую деревню с людьми и скотом. Это было безумие. Это было заявление.

Милаш открыл рот, закрыл, снова открыл. Он посинел от злости и унижения. Денег у него, возможно, и хватило бы, но он не был готов к такой ставке. Он хотел потешить своё самолюбие, а не разориться. Он оглянулся на свою свиту, ища поддержки, но те лишь испуганно прятали глаза.

В наступившей тишине незнакомец шагнул вперёд, выходя из тени. Солнце блеснуло на серебряной пряжке его пояса. Он больше не смотрел на Милаша. Он смотрел на меня. И в его взгляде, в этом холодном, стальном блеске, я увидела не просто расчёт. Я увидела узнавание. Словно он искал меня долгие годы и наконец нашёл. И это было страшнее любой похоти, любой злобы.

Я не знала, кто он. Но я знала одно: он пришёл за мной.

ГЛАВА 6

БОГДАН

– Пятьсот.

Слово упало на гулкую тишину ярмарочной площади, как обломок скалы в горное озеро, вздымая волны изумлённого шёпота. Шум, смех, перебранка торговцев – всё смолкло, сменившись единым, общим вздохом. Пятьсот серебром. За неё. За ведьму в рваньё, с клеймом невольницы на запястье и пылью отчаяния в волосах. Все взгляды, до этого полные брезгливого любопытства или сальной похоти, теперь метались от тучного, налившегося кровью боярина Милаша ко мне, а затем снова к ней. Словно пытались разглядеть в её тонких костях, в бледной коже, в упрямо сжатых губах цену, равную цене добротного имения.

Милаш, до этого момента упивавшийся своей властью и предвкушавший лёгкую, унижительную для девчонки победу, застыл, точно громом поражённый. Его маленькие, глубоко посаженные глазки, только что похотливо ощупывавшие её, сузились в злобные щёлочки. Он медленно, всем своим грузным, рыхлым телом, развернулся ко мне. Где-то позади него, в тени навеса, я заметил знакомую фигуру. Боярин Краг. Он стоял, сложив руки на груди, и на его холёном лице играла едва заметная, одобряющая ухмылка. Он наслаждался представлением, которое сам и срежиссировал, дёргая за ниточки княжеского братца, как за лапы глупой марионетки.

– Ты что удумал, купец? – просипел Милаш, и в его голосе клокотала ярость избалованного дитяти, у которого отбирают игрушку. – Решил со мной, с княжеским братом, тягаться?

Я не удостоил его ответом. Мой взгляд, холодный и острый, как сталь булатного меча, был прикован к ней. И под этим взглядом мне впервые за долгое время стало не по себе. Она не раздевала меня глазами, как Милаш, не прикидывала, как будет ломать и подчинять. Она словно заглядывала в самую душу, пытаясь нащупать там что-то, известное лишь ей одной. Она видела во мне не купца. Она видела хищника. И не боялась. Это злило и восхищало одновременно.

– Пятьсот пятьдесят! – взревел Милаш, брызгая слюной. Толпа ахнула. Это уже было не просто бахвальство, это было безумие.

– Семьсот, – мой голос оставался ровным, безэмоциональным, будто я торговался за мешок овса, а не за живого человека.

Торг перестал быть торгом. Он превратился в поединок. В битву двух волей, двух кошельков, двух самцов. А она стояла на помосте, униженная, выставленная на обозрение, и меня бросало то в жар, то в холод. Известный, понятный ужас перед Милашем, которого я знал как жестокого и похотливого кабана, боролся с новым, неизведанным страхом. Страхом перед этим молчаливым, безжалостным волком с глазами цвета застывшего свинца. Я не знал, что хуже: попасть в лапы к тому, кто разорвёт сразу, или в клетку к тому, кто будет смотреть, как ты медленно умираешь от тоски.

Я смотрел на неё и видел не ведьму, не рабыню, не дочь своего врага. Я видел оружие. Единственное оружие, способное сокрушить стену лжи, выстроенную четырнадцать лет назад. Она стояла на помосте, худая, угловатая, в рваной рубахе, но спину держала прямо, а во взгляде её огромных, тёмных, как лесной омут, глаз плескался не страх, а глухая, упрямая ярость. Несломленная. Это было хорошо. Сломленные инструменты бесполезны.

– Ты что, с ума спятил?! – взвизгнул Милаш, его лицо пошло багровыми пятнами. Он ткнул в мою сторону мясистым пальцем, на котором сверкнул тяжёлый перстень. – На кой ляд она тебе сдалась за такие деньжищи? Девка тощая, костлявая, поди и хворая к тому же! Посмотри на неё! Рвань!

– Товар бывает разный, княжич, – буднично отозвался я, не отрывая от неё взгляда, будто приценивался к кобыле. Худая, но жилистая. Выдюжит. – Глаза вон какие злющие. В хозяйстве пригодится. Злыдней отгонять.

Толпа тихонько прыснула. Лицо Милаша исказилось. Он привык, что перед ним лебезят.

– Восемьсот! – прохрипел он, и я понял, что это его предел. Он выскребал последние крохи из своего кошель, лишь бы не ударить в грязь лицом перед Крагом.

– Тысяча, – бросил я и тотчас добавил, наконец, повернувшись и глядя ему прямо в глаза, в которых плескалась бессильная злоба. – Ты бы, княжич, не переусердствовал. Помнится, наемни, ты проигрался... мне, – я значимо выделил последнее слово, – в кости. И должок твой, весьма немалый, ещё не уплачен. Я бы сотню раз подумал на твоём месте, прежде чем серебром кидаться... Может, лучше долги вернуть, а то не по-княжески получается... Негоже наследнику великого рода ходить в должниках у простого купца.

Его лицо из багрового стало сизым. Упоминание о карточном долге здесь, на людях, перед сотнями глаз, было хуже пощёчины. Это было публичное клеймение. Он проиграл мне тогда не только деньги, но и честь, поставив на кон слово княжича и не сдержав его.

– А ты мне девку уступи, и я по своим долгам живо рассчитаюсь! – прошипел он, пытаюсь выкрутиться, но его голос прозвучал жалко.

Тут рядом со мной рыкнул Абдула, с силой хлопнув себя по бедру, где обычно висел туго набитый кошель с монетами. Его огромная ладонь ударила по пустому месту. Взгляд шамана метнулся вниз, и его лицо на миг исказилось от изумления, а потом – от чистой, незамутнённой ярости.

– Вот же ж, проныра, – пробормотал друг, и я лишь успел заметить, как в толпе, юрко маневрируя между тучными купчихами и бородатыми мужиками, мелькнула тощая фигурка мальчишки в мешковатых штанах. Абдула, издав гортанный боевой клич, от которого шарахнулась даже ближайшая лошадь, сорвался с места и метнулся за ним, расталкивая зевак своими могучими плечами. – Держи вора! Шайтанёнок!

Я даже не повернул головы. Милаш был на грани. Его нужно было дожать.

– Так что, княжич? – ядовито-ласково поинтересовался я. – Готов перебить мою ставку? Или слово твоё стоит дешевле этой девчонки?

Это был удар под дых. Я не просто торговался. Я публично выставлял его нищим лжецом. Я видел, как в его свиных глазках борются жадность, похоть и панический страх перед унижением. И страх победил. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, прохрипел что-то похожее на проклятие, развернулся и, расталкивая своих же людей, стал пробиваться прочь от помоста. Он сбежал, поджав хвост. Краг проводил его долгим, разочарованным взглядом, а затем его холодные глаза впились в меня. В них не было злости. Только расчёт и холодное любопытство хищника, заметившего нового, непредвиденного игрока на своей территории.

– Тысяча серебром! Раз! Два! – затараторил торговец, боясь, что я передумаю. – Три! Продано почтенному купцу!

Удар деревянного молотка прозвучал как приговор. Для неё. И для всех тех, кто стоял на моём пути.

Я шагнул вперёд, вынимая из-за пояса тяжёлый, туго набитый кошель. Он был предназначен для другого – для покупки оружия и припасов, но сейчас у меня в руках была куда более важная вещь. Я не стал отсчитывать монеты. Я просто развязал кожаные тесёмки и высыпал на стол торгаша звенящий, серебряный поток. Монеты посыпались на доски, несколько скатилось на землю, и какой-то мальчишка тут же кинулся их подбирать, получив пинок от стражника.

– Здесь больше, – коротко бросил я. – Сдачи не нужно.

Торгаш захлебнулся от жадности, его руки загребли серебро, глаза блестели, как у сороки, почуявшей добычу.

Толпа медленно, неохотно расступалась, когда я направился к помосту, чтобы забрать свой товар. Абдула вернулся в тот самый момент, когда я уже поднимался по скрипучим ступеням – злой, как степной пожар, и тяжело дышащий.

– Ушёл, шайтанёнок! Ловкий, как ласка! Кошель срезал чисто! Будто и не было! – прорычал он, вытирая пот со лба. – Но я его запомнил! Глазастый, вертлявый... поймаю – уши надеру!

– Спокойно, брат, – я положил руку ему на плечо. – Деньги – пыль. Мы заработаем ещё. Главное, что ты вернулся цел.

– Дело не в деньгах! – рыкнул Абдула, но уже тише, в его глазах вспыхнул азартный огонёк. – Дело в чести! Меня обвёл вокруг пальца какой-то сопляк! Но какова работа! Чистая, брат, чистая!

Я усмехнулся:

– Значит, сопляк был не промах. Уверен, мы о нём ещё услышим. Такие таланты в этом городе на дороге не валяются.

Я подошёл к ней. Девчонка дёрнулась, когда стражники, грубо схватив её с двух сторон, попытались заломить ей руки за спину. Она не кричала, только зашипела, как дикая кошка, и попыталась укусить одного за руку. Я сделал стражникам знак отойти.

– Я её сам заберу, – мой голос прозвучал властно, и они, поклонившись, попятились.

Я остался с ней один на один на этом позорном помосте. Она смотрела на меня исподлобья, тяжело дыша. В её глазах была буря. Ненависть, страх, вызов и... крупица любопытства.

Я протянул руку, но не к ней, а к невольничьему обручу на её шее. Замок был простым. Я подцепил его ногтем, и он со щелчком открылся. Я снял тяжёлый, ржавый металл и отбросил его в сторону. Он со звоном ударился о доски помоста.

Она вздрогнула, её рука невольно метнулась к шее, к тому месту, где только что был знак её рабства. Она не понимала.

Затем я протянул руку и коснулся шрама на её скуле. Тонкий, белый, старый. Отцовский подарок, не иначе. Мои пальцы были жёсткими, мозолистыми от рукояти меча, но прикосновение – лёгким, почти невесомым. Она отшатнулась, как от огня, но я не убрал руку, а провёл по линии шрама до самого виска. Её кожа была холодной, но под моими пальцами я почувствовал, как по ней пробежала дрожь.

Я усмехнулся краешком губ, но глаза мои остались холодными.

– Боишься? – тихо спросил я, так, чтобы слышала только она. – Правильно. Бойся.

Я развернулся и пошёл прочь с помоста, даже не оглянувшись, уверенный, что она последует за мной. Абдула, что-то ворча себе под нос про вороватых мальчишек, шагал рядом.

Я чувствовал её взгляд на своей спине – колючий, полный ненависти и вопросов. Пусть. Пусть ненавидит. Ненависть – хорошее топливо.

Я не знал, что за тварь сидит в ней, какой силой она владеет на самом деле. Но одно я понял точно, глядя, как она стоит на помосте, одна против всего мира. Этот человек, Велислав, её отец, создал не просто оружие. Он создал идеальную ловчую душ.

И теперь эта ловчая принадлежала мне.

ГЛАВА 7

ЛИРА

– Она моя, – пророкотал он, и эти два слова, брошенные вместе с мешком золота, ударили по мне сильнее пощёчины. Они выжгли на моей душе клеймо. Моя. Словно я была вещью, скотиной, безвольной куклой, которую можно купить, чтобы потом сломать.

Меня грубо стащили с помоста. Ноги подкосились, и я едва не рухнула на грязные, утопанные тысячами ног доски. Один из стражников, дюжий мужик с лицом, побитым оспой, принёс то, отчего у меня внутри всё похолодело – тускло поблёскивающее бронзовое невольничье обручье, испещрённое колдовскими знаками. Я видела такие на руках рабов, которых гнали через наш город на юг, в жаркие земли. Видела, как один неосторожный жест, одно слово неповиновения – и человек падал на землю, корчась от невидимой боли, которую посылал ему хозяин через этот проклятый металл.

– Стой, – голос моего нового владельца остановил стражника, уже протянувшего ко мне свои лапы. Голос был ровным, безэмоциональным, как будто он приказывал подать ему коня, а не решал мою судьбу. – Я сам.

Он забрал у стражника тяжёлый браслет. Руны, вырезанные на металле, казались холодными и мёртвыми. Недолго думая, он вынул из-за пояса короткий нож, и я невольно сжалась, ожидая удара. Но он неторопливо провёл лезвием по подушечке собственного большого пальца. Выступила тёмная, густая капля крови. Он сжал обручье в кулаке, втирая кровь в одну из главных рун, похожую на сплетение шипастых ветвей. Металл на мгновение тускло вспыхнул изнутри алым светом, словно жадно впитал её, признавая нового повелителя.

– Кровная привязка, – одобрительно хмыкнул торгаш, слюнявя палец и продолжая пересчитывать своё нежданное богатство. – Мудрое решение для такой дикарки. Теперь будет знать хозяина. Будет шелковой.

«Хозяин». Слово ударило, как плеть. Я дёрнулась, но стражники, что ещё держали меня за локти, вцепились крепче. Он подошёл ко мне вплотную. От него пахло дорогой, пылью и холодной сталью. Он взял моё запястье. Его пальцы были сильными и холодными, как стальные тиски. Я попыталась вырваться, но это было всё равно что пытаться сдвинуть скалу. Холодный металл обруча обхватил мою руку. Щёлкнул замок, спрятанный в узоре. Всё было кончено. Я стала вещью. Его вещью.

– Идти сама можешь? – спросил он, и в его голосе не было ни злости, ни жалости. Ничего. Пустота.

Я молча, с вызовом глядя ему в глаза, резко кивнула и с силой вырвала руки из хватки стражников. Он бросил им ещё несколько мелких монет, которые те проворно словили на лету.

– Ступайте. Торг окончен.

Они поспешно ретировались, оставив нас троих стоять посреди площади – его, смуглого спутника-великана и меня. Толпа всё ещё не расходилась, зеваки глазели на нас, перешёптываясь. Я чувствовала себя голой под их взглядами, униженной, растоптанной.

– Так вот кто купил ведьму, – раздался за нашими спинами ровный, властный голос, в котором не было удивления, лишь лёгкая нотка бархатной угрозы. Голос, привыкший повелевать.

Мы обернулись. Толпа почтительно, словно вода перед носом корабля, расступилась, склоняя головы. Перед нами стоял великий князь Святозар. Он был без пышной свиты, сопровождаемый лишь парой телохранителей, но от него исходила такая сила, что казалось, его охраняет невидимая рать. Его тёмные, внимательные глаза, похожие на два кусочка обсидиана, смотрели не на меня, а на моего хозяина. Смотрели без удивления, но с глубоким, изучающим интересом, словно он разглядывал редкого и опасного зверя.

– Лик твой мне кажется знакомым, купец... – протянул он, постукивая пальцем с тяжёлым перстнем-печаткой по эфесу меча. – Не из наших ли земель будешь?

Смуглолицый великан рядом с моим хозяином напрягся, его рука легла на рукоять кривого меча, но Богдан, как я услышала его имя, едва заметно качнул головой, останавливая побратима.

– Из этих самых, светлый князь, – голос Богдана был спокоен. Он не кланялся. Он стоял прямо, и в его осанке было столько же природного достоинства, сколько и у самого князя. – Из удела... Асгейрского.

– Асгейрского... – Святозар задумчиво прищурился, словно пробуя имя на вкус. – Давно опустели те земли. А звать-то тебя как, купец?

– Богданом, княже.

– Богдан... – князь шагнул ближе, и я почувствовала, как воздух между ними загустел, стал тяжёлым, как перед грозой. – Не тот ли ты Богдан, что сыном приходился князю Лютомиру?

Князь Лютомир. Имя ничего мне не говорило, но я видела, как напрягся мой новый хозяин. Его плечи расправились, а взгляд, и без того твёрдый, стал подобен заточенной стали.

– Он самый, светлый князь, – ровно отвечивал он, встречая взгляд Святозара без тени подобострастия. Это был поединок, и я видела его так же ясно, как видела духов.

На площади повисла звенящая тишина. Даже вездесущие торговцы и зазывалы приотмолкли, чувствуя исходящую от двух мужчин угрозу. Святозар окинул Богдана долгим, оценивающим взглядом с головы до ног.

– Шибко изменился, возмужал. Долгие странствия, видать, пошли тебе на пользу, – в голосе князя не было угрозы, лишь холодное любопытство. Но каждое слово ложилось на плечи невидимым грузом. – Надеюсь, вернулся не мстить за былые обиды?

Это был не вопрос. Это было предупреждение, вынесенное на суд всей площади.

– Что ты, княже, – на губах Богдана появилась лёгкая, хищная улыбка, от которой у меня по спине пробежал холодок. – Вернулся свой дом в порядок привести, от нечисти разной почистить, что по углам затаилась и покою не даёт.

Я стояла и слушала их разговор, похожий на танец змей, и ничего не понимала. Но одно я чувствовала кожей – эти двое были врагами. Смертельными врагами. И я, сама того не желая, оказалась между ними, маленькой разменной монетой в их большой и страшной игре.

Святозар на мгновение прищурился ещё сильнее, оценивая дерзость ответа. Затем медленно кивнул, словно соглашаясь с чем-то своим, известным лишь ему одному.

– Что ж, похвальное стремление. Дом и впрямь должен быть в чистоте. Но будь осторожен, Богдан Лютомирович. Иногда, выметая паутину, можно потревожить и самого паука. А пауки в наших землях не любят, когда рушат их сети.

Он бросил короткий, оценивающий взгляд на меня, на обручье на моей руке, задержав его на долю мгновения дольше, чем того требовала вежливость. В его глазах я была не более чем занятой вещицей, новым приобретением его врага. Затем он снова посмотрел на Богдана.

– Удачи тебе в твоих делах, княжич. Рад видеть тебя на родной земле.

С этими словами он развернулся и так же неспешно, как и появился, удалился, рассекая толпу, которая безмолвно кланялась ему в пояс. Он оставил за собой шлейф из страха, уважения и невысказанных угроз.

Когда фигура князя скрылась в одном из переулков, Богдан повернулся ко мне. Его лицо было непроницаемой маской, но я видела, как в глубине его свинцовых глаз полыхает холодное пламя.

– Идём, – коротко бросил он и зашагал прочь с площади, не заботясь, иду ли я за ним.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Абдула, его смуглый побратим, шёл с другой стороны, замыкая наш маленький отряд. Я шла, опустив голову, стараясь не встре-

чатся взглядами с людьми. Чувствовала, как тяжёлый браслет натирает кожу. Каждый его грамм кричал о моём рабстве, о моём бессилии. Но где-то глубоко внутри, под слоем унижения и страха, разгорался маленький уголёк злости. Они все – и этот князь, и мой новый хозяин – считали меня пешкой. Но даже пешка может однажды дойти до конца доски.

Мы свернули в тихий переулочек, где у задней стены корчмы нас ждали три осёдланные лошади и... огромное, как телёнок, существо, лежавшее у их ног. Сначала я не поняла, что это, но потом оно подняло голову, и я увидела, что это волк. Чёрный, как сама ночь, с клоком седой шерсти на груди. Зверь поднял голову, когда мы подошли, и его жёлтые, умные глаза уставились прямо на меня. Он не рычал, не скалился, просто смотрел, и в его взгляде было больше понимания, чем в глазах большинства людей на площади. Я, выросшая у болот, привычная к диким тварям, всё равно замерла, чувствуя исходящую от него первобытную мощь.

– Это Тень, – пояснил Богдан, заметив мой взгляд. Он потрепал волка по загривку, и тот едва заметно вильнул хвостом. – Он тебя не тронет. Ежели не будешь делать глупостей.

Он ловко, одним слитным движением, вскочил в седло. Абдула, несмотря на свои размеры, сделал то же самое с поразительной лёгкостью. Третья лошадь, гнедая кобыла с белой звёздочкой на лбу, очевидно, предназначалась мне. Я никогда не ездила верхом. В нашей с отцом жизни, полной скитаний и нищеты, не было места лошадям. Я замерла в нерешительности, не зная, с какой стороны к ней подойти.

– Чего ждёшь? – нетерпеливо окликнул меня Богдан со своего места. – Или мне тебя подсадить, как кисейную барышню?

В его голосе прозвучала едкая насмешка, и упрямство взяло верх над страхом и неловкостью. Я подошла к лошади, неуклюже попыталась закинуть ногу, чтобы взобраться в седло. Лошадь, почувствовав мою неуверенность, громко фыркнула и шарахнулась в сторону. Я бы непременно упала в грязь, если бы не сильная, широкая как лопата, ладонь Абдулы, подхватившая меня под локоть.

– Спокойнее, девка, – пророкотал он. Его голос, в отличие от голоса Богдана, был низким и гулким, как камнепад в далёких горах. – Она чует твой страх. Покажи ей, что ты не боишься. Дыши ровнее.

Он помог мне устроиться в седле, вложил поводья в мои онемевшие пальцы. Я вцепилась в них так, что побелели костяшки. Богдан тронул своего вороного коня и выехал на улицу, не оглядываясь. Абдула последовал за ним. Моя лошадь, почуяв движение, пошла следом, и мне оставалось только отчаянно держаться, чтобы не свалиться.

Мы ехали молча, прочь из шумного города. Я не знала, куда он меня везёт. В разорённый удел Асгейрский? В логово посреди дикого леса? Я знала лишь, что моя прежняя жизнь, какой бы она ни была, закончилась на том невольничьем помосте. А новая начиналась с холодного прикосновения металла на запястье и взгляда глаз цвета застывшего свинца. Взгляда человека, который купил меня не для утех и не для работы. Он, названный сын князя Лютомира, купил меня для чего-то другого. Для чего-то страшного. И я чувствовала, что это как-то связано с моим проклятым даром. Я не знала, что его месть и моя жизнь отныне сплелись в один тугой, кровавый узел. Я ещё не знала, что его клетка – это только начало.

ГЛАВА 8

БОГДАН

– Беги!

Эта мысль, злая и острая, как заноза под ногтем, сверлила мой мозг. Я смотрел на её прямую, упрямую спину, на то, как она, не привыкшая к седлу, отчаянно вцепилась в поводья, и во мне всё клокотало. Беги, ведьмачка. Попробуй. Дай мне повод доказать тебе, что эта земля, этот лес, даже этот воздух – всё моё. И ты теперь – тоже моя.

Мы покинули столичный град на закате, когда длинные тени пожрали грязь торговых улочек, а воздух стал густым и прохладным. Впереди лежали три дня пути через дикие, неухоженные земли, что некогда принадлежали моему роду, а теперь заросли бурьяном и дурной славой. Три дня пути до моего дома, моей крепости, моей ловушки. И три дня с ней.

Дочь Велислава. Ловчая. Мой инструмент.

Она ехала молча, прямой спиной напоминая натянутую тетиву. С того самого мгновения на площади, когда я сам защёлкнул на её запястье невольничий обруч, она не проронила ни слова. Лишь смотрела. То на меня, то на Абдулу, то на густой лес, что подступал к самой дороге, и в её взгляде, тёмном, как торфяная вода, плескалась лютая, неприкрытая ненависть. Она не смирилась. Она выжидала.

Я это чувствовал каждой жилкой. Она была похожа на пойманную рысь – затихшую в клетке, но готовую в любой миг вцепиться в горло тюремщику, если тот на мгновение потеряет бдительность.

Абдула, мой побратим, ехал чуть впереди, его могучая фигура в степном халате казалась несокрушимой скалой. Он тоже молчал, но его молчание было иным – тяжёлым, осуждающим. Он не одобрил моей выходки на площади, когда я у всех на глазах заковал девчонку, как вещь. Я видел это по тому, как он отводил взгляд всякий раз, когда я смотрел в его сторону. Он не понимал. Не мог понять той чёрной ярости, что вскипала во мне при одном взгляде на дочь Велислава. В ней, в её дерзком взгляде, в упрямо сжатых губах, я видел тень её отца-предателя, и это отравляло кровь.

Мой волк, Тень, трусил рядом с её лошадей. Огромный, чёрный, как сама ночь, с умными жёлтыми глазами. Он был моим безмолвным приказом, моим лучшим стражем. Он не рычал, не скалился. Он просто был рядом, и одного его присутствия было достаточно, чтобы отбить у ведьмачки всякую охоту на резкие движения.

Первую ночь мы встали лагерем в неглубоком овраге, укрывшись от пронизывающего ветра. Абдула развёл костёр, я расседлал коней. Лира сидела на поваленном дереве, обхватив колени руками, и не сводила глаз с огня. Бронзовый обруч на её запястье тускло поблёскивал в свете пламени, напоминая о её положении.

Она была моей собственностью. Моим инструментом. И я должен был относиться к ней соответственно. Но что-то внутри противилось этому. Что-то заставляло меня снова и снова смотреть на тонкий шрам на её скуле, на синяки, проступавшие на запястьях от грубой хватки стражников, и чувствовать... не жалость, нет. Скорее, глухое, злое раздражение. На неё, на себя, на весь этот проклятый мир.

– Поешь, – Абдула протянул ей кусок вяленого мяса и ломоть хлеба.

Она медленно подняла на него глаза, и в них на миг промелькнуло удивление. Она взяла еду, но не притронулась к ней. Просто держала в руках, глядя в огонь.

– Она не сбежит, брат, – тихо проговорил Абдула, когда присел рядом со мной, подбрасывая в костёр сухих веток. – Куда ей бежать в этих лесах? Волки сожрут раньше, чем она пройдёт версту.

– Эта сбежит, – так же тихо отозвался я, не отрывая взгляда от её неподвижной фигуры. – Такие, как она, всегда бегут. Даже если бежать некуда. Они скорее сдохнут в лесу, чем будут сидеть в клетке.

Абдула тяжело вздохнул.

– Ты дюже жесток с ней, Богдан. Она ведь...

– Она дочь своего отца, – оборвал я его. – И этого довольно.

Больше мы не разговаривали. Ночь сгущалась, принося с собой холод и шёпот леса. Я взял первое дежурство. Абдула, завернувшись в свой плащ, уснул у костра. Лира так и сидела, не шевелясь, пока я не подошёл и не бросил ей старую волчью шкуру.

– Ложись. Завтра встать затемно.

Она вздрогнула от звука моего голоса, но шкуру взяла. Расстелила её поодаль, у самых корней старой сосны, и легла, свернувшись клубком, спиной к нам.

Я сидел, подперев подбородок кулаком, и смотрел в темноту. Лес жил своей жизнью: ухала сова, трещали в подлеске ветки, выли где-то далеко волки. Я думал о предстоящем. О двенадцати душах, которые мне нужно было поймать. О тринадцатой, главной, душе её отца, которую я буду терзать до тех пор, пока она не взмолится и не выплюнет правду о заговоре, очистив имя моего рода. А эта девчонка, эта Ловчая, станет моим ключом. Моим арканом. Хочет она того или нет.

Время тянулось медленно, как смола. Костёр прогорел, остались лишь тлеющие угли, бросавшие на землю дрожащие кровавые отсветы. Абдула спал глубоким сном воина, привыкшего доверять своему побратиму. Я и сам задремал, прислонившись спиной к седлу, но сон мой был чутким, как у зверя. Однако усталость последних дней взяла своё, и я на мгновение провалился в тягучую дрёму.

Именно этого мгновения она и ждала.

Я не услышал её движения. Она двигалась тише тени, тише падающего листа. Но я почувствовал. Почувствовал, как изменился воздух, как натянулась незримая нить между нами. Я приоткрыл глаза и увидел, что она уже стоит на ногах. Медленно, плавно, словно лесная кошка, она отступала в спасительную тьму подлеска. Ещё шаг, другой, и лес поглотил бы её без остатка.

На губах сама собой появилась злая усмешка. Ну конечно. Я же говорил Абдуле. Вся её порода – сплошное предательство и вероломство.

Я уже напрягся, чтобы вскочить, но меня опередили. Тень, до этого дремавший у моих ног и казавшийся лишь комком чёрной шерсти, беззвучно поднял голову. В наступившей тишине раздался низкий, утробный рык, от которого, казалось, застыл воздух. Это был не лай, не вой – это был звук самой первобытной угрозы, обещание рваных ран и сломанных костей.

Лира замерла на полпути к спасению, превратившись в изваяние. Её спина была напряжена до предела. Она даже не обернулась. Она знала, кто издал этот звук.

– Думала, он тоже спит? – мой голос прозвучал в тишине громче грома. Я медленно поднялся на ноги. – Глупая девчонка. Он животное. Он чувствует твой страх лучше, чем я – запах дыма.

Она медленно, очень медленно обернулась. В полумраке я не мог разглядеть выражения её лица, но видел, как блестят её глаза. В них не было раскаяния. Только ярость и досада от неудачи. Она попалась. И она это знала.

Я сделал несколько шагов, сокращая расстояние, и остановился, скрестив руки на груди. Злость, холодная и острая, как осколок льда, вонзилась под рёбра. Не на неё – на себя. Проморгал. Упустил. Доверился усталости. А она этим воспользовалась. Конечно, воспользовалась. Она же дочь Велислава. Предательство у них в крови.

– Ну что, Ловчая? – в моём голосе прозвенела сталь. – Решила, что ночь – лучшая подруга для беглянки?

Она молчала, только губы сжались в тонкую, бескровную линию. Её взгляд метался от меня к волку и обратно. Тень не двигался, но его рычание не прекращалось, вибрируя в ночном воздухе. Он ждал команды. Одного моего слова, одного жеста.

– Я мог бы приказать ему вернуть тебя, – продолжил я, намеренно растягивая слова, наслаждаясь её пойманным, загнанным видом. – И поверь, он сделал бы это быстро. Возможно, не очень аккуратно. Мог бы приказать обручью сжать твоё запястье так, что ты бы забыла, как дышать. Но знаешь что? Мне это всё надоело.

Я шагнул в сторону, открывая ей путь в темноту леса.

– Беги, – выдохнул я, и это слово прозвучало как приговор. – Монет я за тебя отвалил много, но раз тобой управляют слабоумие и отвага, будь по-твоему. Лес весь твой... ну или топи. Они тут недалеко. Выбирай, что по душе.

Она неверяще оглянулась на меня, потом на просвет между деревьями, куда я указал. В её глазах плескалось сомнение. Она искала подвох. Искала ловушку в моих словах. А ловушки не было. Была лишь моя злая, высокомерная уверенность в том, что она никуда не денется.

Она отступила на шаг... второй... третий, более решительно... Её босые ноги почти не издавали звука на влажной земле. Она не сводила с меня глаз, ожидая окрика, погони. Но я молчал. И это молчание, видимо, убедило её больше, чем любые слова. Она развернулась и припустила так, что скрылась в ночи, и только хруст веток выдавал её движение прочь от костра... прочь от меня.

Тень зарычал гортанней, вопросительно посмотрев на меня.

– Знаю, – пробурчал я, ведя глупый диалог с животным. – Она мне нужна. И стоила она очень дорого, для того чтобы вот так просто её отпускать. Но мы просто дадим ей форы, раз она такая дура, что не понимает, что в темноте много не набегаешь...

Тень повёл ушами, настороженно встав на лапы и повернув голову в сторону, куда убежала девчонка, словно ждал от меня команды и уже был готов сорваться, догонять беглянку.

– Оставь её... – хотел я что-то добавить, но Тень предостерегающе ощерился. И это явно было не на беглянку. Мысль испарилась, когда по лесу полетел вой. Протяжный, тоскливый, заставивший замереть сердце. А потом ему ответил другой, третий... Целая стая. И они были близко. Дуже близко.

– Шайтан побери эту ведьму! – чертыхнулся я в сердцах, подскакивая с места.

Я схватил меч и, не раздумывая, бросился в ту сторону, куда она убежала. Тень бесшумной стрелой летел рядом. Моя самоуверенность испарилась, сменившись ледяным страхом. Не за неё. Нет. За свой инструмент. За вложенное золото. Так я говорил себе, перепрыгивая через поваленные стволы. Но в глубине души копошилось что-то иное, что-то, в чём я не хотел себе признаваться. Образ её испуганных, но дерзких глаз стоял перед моим взором.

Я выскочил на небольшую поляну и замер. Картина, что предстала передо мной, была достойна пера самого искусного сказителя кошмаров. Лира стояла, прижавшись спиной к огромному валуну, а вокруг неё, медленно сжимая кольцо, ходили волки. Десяток, не меньше. Огромные, поджарые лесные твари с горящими во тьме глазами. Один из них, матёрый вожак с седой шерстью на загривке и порванным ухом, шагнул вперёд, низко, угрожающе рыча.

Она не кричала. Не плакала. Она стояла бледная, как полотно, но в её руке был зажат острый камень, и весь её вид говорил о том, что она будет драться до последнего вздоха.

– Назад! – рявкнул я, вылетая на поляну.

Волки вздрогнули и обернулись на мой голос. Их внимание переключилось на новую, более серьёзную угрозу. Тень встал рядом со мной, его рык был подобен раскату грома. Стая замерла, оценивая нас.

Я медленно пошёл вперёд, прямо на вожака. Меч держал опущенным, показывая, что не ищу боя. Волки расступились, пропуская меня, но не уходили, их рычание стало громче. Я остановился в нескольких шагах от вожака. Мы смотрели друг другу в глаза. Я видел в его

жёлтых зрачках отражение луны и дикую, первобытную ярость. Он видел во мне... я не знаю, что он видел. Но он колебался.

Он сделал ещё один шаг, глухо зарычав. Это был вызов. И я его принял.

Я не стал поднимать меч. Вместо этого я сделал то, чего он никак не ожидал. Я шагнул навстречу и, глядя ему прямо в глаза, низко, гортанно зарычал в ответ. Это был не человеческий звук. Это был рык зверя, который знает свою силу и свою территорию. Звук, который я выучил за долгие годы странствий, когда приходилось выживать одному в диких землях. Звук, который говорил яснее любого клинка: «Это моя добыча. Убирайся».

Вожак опешил. Он отшатнулся, поджав хвост. Я сделал ещё шаг. И ещё. Я не отводил взгляда, вливая в него всю свою волю, всю свою уверенность в том, что этот лес признаёт мою силу, и эта девчонка, дрожащая за валуном, – моя.

Стая замерла, наблюдая за поединком воль. Вожак заскулил, отвёл взгляд и, опустив голову, попятился. Я сделал последний шаг и протянул руку, но не для удара, а открытой ладонью вверх. Он на миг замер, а затем быстро, почти виновато, лизнул кончики моих пальцев и, развернувшись, трусцой скрылся в лесу. Вся стая беззвучно последовала за ним.

На поляне воцарилась тишина, нарушаемая лишь нашим тяжёлым дыханием. Я медленно опустил руку и повернулся к ней. Она смотрела на меня во все глаза. Ужас в них сменился потрясением и... чем-то ещё. Чем-то, чего я не мог прочесть. Камень выпал из её ослабевшей руки. Она медленно сползла по валуну на землю, её ноги больше её не держали.

Я подошёл и остановился над ней.

– В следующий раз, когда решишь сбежать, – мой голос был хриплым и низким, – выбирай врага, которого сможешь одолеть. Лес не прощает ошибок.

Я протянул ей руку. Она долго смотрела на неё, потом на моё лицо, и я увидел, как в глубине её глаз снова вспыхивает огонёк ненависти. Она проигнорировала мою руку и поднялась сама, опираясь на валун. Упрямая. До самого конца.

Мы возвращались к лагерю молча. Я шёл впереди, она – за мной. Больше она не пыталась бежать. Она поняла. В этом лесу я был опаснее любого волка.

Когда мы вышли к костру, Абдула уже не спал. Он сидел, подбрасывая в огонь ветки, и с тревогой смотрел в нашу сторону. Он молча оглядел нас обоих и, ничего не спрашивая, протянул мне флягу с водой. Я сделал несколько больших глотков, чувствуя, как напряжение отступает. Рука, которую я протягивал вожаку, слегка подрагивала. Я сел у огня, но не стал обрабатывать царапины – их не было. Была лишь усталость от схватки, которая велась не сталью, а духом.

Лира стояла в стороне, в тени деревьев, наблюдая. Я думал, она сейчас же ляжет спать, но она не двигалась. Потом, когда я уже отставил флягу, она вдруг шагнула из темноты и, ни слова не говоря, скрылась в подлеске с другой стороны от лагеря. Я напрягся, но Тень остался лежать спокойно. Абдула вопросительно посмотрел на меня. Я лишь пожал плечами. Пусть идёт. Далеко не уйдёт. Да и обручье теперь было в пределах досягаемости.

Она вернулась через несколько минут. В её руках был пучок каких-то серебристых цветов, которые тускло мерцали даже в слабом свете костра. Я никогда не видел таких раньше. Она подошла не ко мне. Она подошла к Абдуле и молча протянула ему цветы.

Мой побратим удивлённо взял их. Он поднёс их к лицу, вдохнул аромат, а затем его брови поползли на лоб от изумления.

– Полуночная трава... – прошептал он, глядя то на цветы, то на Лиру. – Та самая, что мы искали по всем лавкам в столице. Та, без которой руны в твоём подземелье – лишь мёртвые знаки. Я думал, её уже не найти... Говорят, она цветёт лишь одну ночь в году, в полнолуние, и только там, где земля напитана силой...

Он с благоговением посмотрел на Лиру. Она же, не удостоив его ответом, развернулась и пошла на своё место у сосны. Легла, накрылась шкурой и затихла.

Это был её ответ. Её вызов. Она не просила прощения за побег. Она не благодарила за спасение. Она молча показала мне, что я купил не просто ведьму с редким даром. Я купил знания, которые мне были нужны не меньше. Она демонстрировала свою ценность, но не как рабыня, а как... как равный противник. Это был первый молчаливый акт нашего вынужденного союза. И он злил меня ещё больше, чем её побег.

Я смотрел на её неподвижную спину, потом на серебристые цветы в руках Абдулы и чувствовал, как в груди разрастается холодное, тяжёлое предчувствие.

Дорога в клетку оказалась куда сложнее, чем я предполагал. И я до сих пор не был уверен, кого из нас двоих она в итоге запрет.

ГЛАВА 9

ЛИРА

– Приехали.

Голос моего нового хозяина, Богдана, прозвучал ровно и глухо, вырвав меня из тяжёлой, колючей дрёмы, в которую я провалилась, убаюканная мерным покачиванием лошади. Я вскинула голову, смаргивая с ресниц дорожную пыль, и сердце, до этого бившееся устало и монотонно, ухнуло вниз, замирая холодным камнем где-то в районе желудка.

Мы стояли на вершине холма, и перед нами, в чаше долины, укутанной сизым предвечерним туманом, лежало оно. Поместье Асгейр.

Я ожидала увидеть руины. Почерневший от времени и скорби остов, разорённое гнездо, где среди бурьяна воют лишь ветер да призраки прошлого. Место, созвучное той выжженной пустоте, что поселилась в моей душе после смерти Сиры. Но то, что я увидела, не имело ничего общего с печальной элегией о павшем роде.

Это была не усадьба. Это была крепость.

Мощная, приземистая, вросшая в землю, словно древний кряжистый дуб. Каменные стены, высокие и толстые, были не так давно надстроены и укреплены новыми, ещё светлыми блоками песчаника, выделявшимися на фоне старой, потемневшей кладки. По углам вместо изящных башенок, что приличествуют боярским хоромам, высились грубые, лишённые всяких изысков сторожевые вышки, с которых на нас уже смотрели зоркие глаза дозорных. Вместо цветущего сада, который должен был окружать родовое имение, – голый, вытоптаный сотнями сапог плац. А вместо резных ворот – окованная железом дубовая громада, способная выдержать удар тарана.

От этого места веяло не упадком и запустением, а суровой, целенаправленной силой. Военный лагерь, замаскированный под родовое гнездо. Ловушка, терпеливо ожидающая свою жертву. И я, кажется, догадывалась, кто был в ней главной приманкой.

Мы медленно спустились по склону. Скрипнули, отворяясь, массивные ворота. Во дворе нас встретили не челядь и сенные девушки с поклонами, а десяток суровых, обветренных воинов в стёганных безрукавках поверх кольчуг. На их лицах не было ни радости, ни любопытства. Лишь молчаливое, вышколенное уважение к своему предводителю. Они склоняли головы, когда Богдан проезжал мимо, но их взгляды, цепкие и холодные, провожали меня, скользя по рваной рубахе, по грязи на щеках и задерживаясь на бронзовом обручье на моей шее. Я для них была не гостьей. Я была трофеем. Добычей.

– Расседлайте коней. Накормите. И приберитесь в южном крыле. У нас гостья, – бросил Богдан одному из воинов, спешиваясь с лёгкостью, выдававшей в нём прирождённого всадника.

Слово «гостья» прозвучало как изошрённая насмешка. Яд, завернутый в шёлк.

Он подошёл и, не говоря ни слова, властно взял под уздцы мою кобылу. Затем посмотрел на меня. В его очах цвета застывшего свинца не было ничего, кроме приказа.

– Спускайся.

Я подчинилась. Ноги, затекшие от долгой дороги, подкосились, и я едва не упала. Он не подал руки, не поддержал. Просто стоял и ждал, пока я обрету равновесие, словно наблюдая за неуклюжим жеребёнком. Его волк, Тень, который всю дорогу трусил рядом с моей лошадью, подошёл и ткнулся мне в ладонь холодным мокрым носом, словно проверяя, здесь ли я, не сбежала ли снова. Я не отёрнула руку, лишь устало погладила зверя между ушами. Он был честнее всех людей в этой крепости. Его намерения были просты и понятны – служить хозяину и рвать его врагов.

– Идём, – коротко бросил Богдан и, не оборачиваясь, направился к главному дому – большому, каменному, больше похожему на казарму, чем на княжеские покои.

Я пошла за ним, чувствуя на спине десятки колючих взглядов. Мы вошли в гулкие, полутёмные сени. Внутри дом был таким же, как и снаружи – суровым и функциональным. Дорогие ковры были убраны, стены голы, лишь кое-где на деревянных креплениях висело оружие – мечи, секиры, луки. Пахло деревом, железом и холодной, застарелой пылью.

Мы поднимались по широкой лестнице, наши шаги отдавались гулким эхом в оглушающей тишине. На втором этаже Богдан остановился перед тяжёлой дубовой дверью и толкнул её.

– Это твоя комната.

Я вошла и замерла. Горница была... хорошей. Слишком хорошей для невольницы. Широкая кровать, застеленная мягким одеялом из медвежьей шкуры. Умывальник с медным тазом и кувшином свежей воды. Небольшой стол и стул у окна. В очаге потрескивали поленья, разгоняя сырость и наполняя комнату живым теплом. Чисто, удобно, даже уютно.

Но потом мой взгляд упал на окно. И уют рассыпался прахом.

В оконный проём была вделана тяжёлая кованая решётка. Толстые, чёрные прутья, грубые и прочные, перечёркивали вид на темнеющий лес, превращая пейзаж в тюремный.

– Здесь будет всё, что тебе надобно, – продолжал Богдан, входя следом. Он встал у двери, заложив руки за спину, хозяин в своём доме, тюремщик в своей тюрьме. – Еду будут приносить трижды в день. Воду менять поутру. Если что-то понадобится – скажешь стражнику у двери.

Он говорил так, будто обсуждал содержание породистой борзой, а не живого человека.

– Правила простые, – его голос стал жёстче, теряя даже намёк на нейтральность. – Внутри этих стен ты можешь ходить, где вздумается. Кроме моих покоев и оружейной. Но ни шагу за ворота без моего ведома. Попытаешься сбежать ещё раз – я не стану гоняться за тобой по лесу. Я просто заставлю тебя вернуться саму. Поверь, тебе это не понравится.

Он имел в виду обручье. Я это поняла без слов. Кожа на шее похолодела, и я невольно коснулась холодного металла.

– Я ясно выразился? – потребовал он ответа, и в его голосе прозвучала сталь.

Я молча кивнула, не глядя на него. Смотрела на решётку. На свою клетку. Она была просторной и даже позолоченной теплом очага, но от этого не переставала быть клеткой.

– Хорошо. Отдохни. Через час я за тобой зайду. Нужно кое-что тебе показать.

Он вышел, и я услышала, как снаружи тяжело лягнул засов. Меня заперли. Я подошла к окну и вцепилась пальцами в холодные прутья решётки. Внизу, во дворе, зажигали факелы. Их неровный свет выхватывал из темноты лица воинов, блеск стали, чёрный силуэт огромного волка, что лежал у порога, подняв голову и глядя прямо на моё окно. Он тоже меня стерёт.

Час пролетел как одно мгновение. Я успела лишь смыть с себя дорожную грязь и сменить рваную рубаху на простую, но чистую холщовую, что нашла в небольшом сундуке у кровати. Когда засов за дверью отодвинули, я уже стояла посреди комнаты, готовая ко всему.

Вошёл Богдан. Он тоже переоделся – в простую кожаную безрукавку и свободные штаны. Без доспехов и дорожного плаща он не выглядел менее опасным. Скорее наоборот. Теперь в нём чувствовалась не княжеская стать, а гибкая, хищная сила воина, привыкшего полагаться на свои мышцы и быстроту реакции.

– Идём, – повторил он своё любимое слово.

Мы спустились вниз, но на этот раз свернули не к выходу, а в тёмный коридор, ведущий вглубь дома. Чем дальше мы шли, тем холоднее становился воздух. Деревянные полы сменились каменными плитами, со стен исчезло даже оружие, остались лишь голые, влажные камни, поросшие зеленоватым мхом в углах. Мы спускались всё ниже и ниже, по узкой винтовой лестнице, освещаемой лишь одним факелом в руке Богдана. Воздух стал тяжёлым, пах сырой землёй, плесенью и... чем-то ещё. Едва уловимым, тревожным. Запахом древней, потревоженной

силы. Мой дар, моё проклятие, затрепетал внутри, как птица в силках, чуя близость чего-то родственного и вместе с тем чудовищно неправильного.

Наконец лестница вывела нас в просторный, круглый зал. Подземелье.

Богдан воткнул факел в железное кольцо на стене, и пляшущее пламя выхватило из мрака детали, от которых у меня по спине побежали мурашки.

Зал был огромен. Высокий потолок терялся во тьме. Весь пол занимал сложный, многослойный рисунок, вырезанный прямо в камне. Руны. Сотни, тысячи рун, сплетающихся в единый, чудовищный узор. В центре этого узора был вычерчен идеально ровный круг – круг удержания, как я поняла по знакам-замкам на его границах. Стены тоже были испещрены знаками и символами, древними, могущественными, от которых исходил ощутимый физически холод.

В дальнем конце зала, у стены, на каменном постаменте стоял стол, заваленный свитками, склянками с какими-то порошками и странными артефактами из кости и металла. И там, склонившись над столом, стоял Абдула.

Он не заметил нашего прихода. Он был полностью поглощён своим делом. В его руках был пучок той самой полуночной травы, что я нашла в лесу. Он осторожно, одну за другой, отделял серебристые былинки и вплетал их в одну из линий рунического круга на полу. И в тот миг, когда его пальцы касались камня, руны в этом месте на мгновение вспыхивали мягким, призрачным светом, а затем снова гасли. Он питал их силой. Моей силой, моей находкой. Он готовил ловушку к работе.

– Это ритуальный зал, – голос Богдана прозвучал в гулкой тишине особенно громко, заставив Абдулу вздрогнуть и обернуться. – Здесь ты будешь работать.

Я медленно обвела зал взглядом. Мои очи, привыкшие к полумраку, разглядели то, чего я не заметила сначала. Стены. Между руническими письменами на них были фрески. Старые, выцветшие, но всё ещё различимые. Они изображали людей – древних героев или колдунов, – которые сражались с призрачными, полупрозрачными фигурами. Они ловили их, загоняли в такие же круги, запечатывали в амулеты. Это была не просто комната. Это был храм. Храм древнего, жестокого ремесла. И план Богдана был не прихотью мстительного княжича, а частью какого-то древнего, тёмного знания, передававшегося в его роду.

Я шагнула вперёд, к ближайшей стене, и осторожно, кончиками пальцев, коснулась вырезанных на ней рун. Они были ледяными. И... живыми. Я почувствовала, как под моей ладонью пульсирует заточённая в камне сила, дремлющая, но готовая пробудиться по первому зову. Она узнала меня. Она тянулась к моему дару, как голодный зверь к куску мяса.

Меня затошнило, голова закружилась от этого безмолвного зова. Сила этого места была подобна водовороту, и она грозила поглотить меня. Я резко отдернула руку, словно обжёгшись, и пошатнулась. И в этот миг, на грани обморока, когда мир сузился до звенящей точки, я услышала его. Не ушами – душой. Тихий, отчаянный шёпот, прорвавшийся сквозь пелену времени и смерти.

«...Не наврежу... клянусь остатками своей души, больше никогда... всё для тебя... во имя искупления...»

Это был голос моего отца. Не тот, что я помнила – полный злобы, страха и пьяной горечи. Этот голос был чист от всего, кроме боли и раскаяния. Видение оборвалось так же внезапно, как и началось, оставив после себя лишь гул в ушах и ледяной пот на висках. Я судорожно втянула воздух, пытаясь понять, было ли это наваждением, игрой моего измученного разума или... или чем-то большим.

– Чувствуешь? – Богдан подошёл и встал рядом. Так близко, что я ощутила тепло его тела сквозь тонкую ткань рубахи. Он пах сталью, кожей и чем-то неуловимо своим – терпким, как лесной мох после дождя. Его близость была неуместной, провокационной в этом мёртвом месте, и от этого смещения чувств – страха перед залом и неосознанного волнения от его присутствия – у меня перехватило дыхание. – Это место помнит. Оно ждало. Ждало тебя.

Он говорил это без всякого пафоса, как о чём-то само собой разумеющемся. И от этой его уверенности становилось ещё страшнее.

Абдула подошёл к нам. Его лицо было серьёзным, во взгляде, обращённом ко мне, больше не было осуждения. Лишь настороженность и толика... уважения?

– Трава подошла идеально, – проговорил он, обращаясь скорее к Богдану. – Сила чистая. Круг почти готов.

– Хорошо, – кивнул Богдан. Затем он снова посмотрел на меня, и его глаза превратились в два холодных осколка льда, стирая мимолётное наваждение его близости. – Завтра начнём.

Завтра. Он произнёс это слово так, будто речь шла о начале пахоты или сбора урожая. А не о том, что меня, живого человека, собираются использовать как приманку для мёртвых.

Я отступила на шаг, разрывая эту опасную близость, и с вызовом посмотрела ему в глаза, впервые за долгое время решив заговорить.

– Начнём что? – мой голос прозвучал хрипло и чужеродно в этой гулкой тишине. – Ты купил меня, чтобы я ловила для тебя заблудшие души, княжич? Ты хоть представляешь, о чём просишь? Это не зверя в силки загнать!

Он даже бровью не повёл. Его спокойствие бесило, выводило из себя куда сильнее любой угрозы.

– Я представляю, на что потратил своё золото, – отчеканил он. – И представляю, что получу взамен. А что до тебя... Ты либо будешь делать то, для чего рождена, либо сгниёшь в своей уютной комнатке с решёткой на окне. Выбор за тобой.

Я смотрела на рунический круг, на холодные стены, на двух мужчин, решивших мою судьбу, и остро, до боли в груди, осознала одну простую, убийственную вещь.

Это была не комната. Это была позолоченная клетка. А вся крепость – ловушка. И я была в ней главной приманкой. Выбора у меня не было с самого начала.

ГЛАВА 10

БОГДАН

– Что значит «начнём»? – её голос, тихий и хриплый от долгого молчания, прозвучал в гулком, пахнущем вековой пылью и озоном подземелье как треск ломающейся под сапогом тонкой льдины. В нём не было ни капли страха, который я ожидал услышать. Лишь холодная, звенящая, как натянутая тетива, ярость.

Я медленно повернулся к ней, отрывая взгляд от рунического круга, тускло мерцавшего в свете единственного факела. Она стояла, вызывающе вскинув подбородок, её маленькая, почти мальчишеская фигурка в простой холщовой рубахе казалась невероятно хрупкой и чужеродной на фоне древних, испещрённых знаками силы стен. Но в очах её, цвета прошлогодней листвы, горел такой огонь, что, казалось, он способен расплавить и камень, и сталь, и мою собственную, закованную в лёд душу. Абдула, мой верный побратим, почувствовав назревающую бурю, сделал едва заметный шаг назад, к своему заваленному свитками и склянками столу, превращаясь в молчаливого, но напряжённого, как сжатая пружина, наблюдателя. Он слегка озадаченно хмурил густые чёрные брови, но молчал, настороженно следя за нами. Он-то знал, что я не такой гад, каким себяставляю, но не вмешивался – видимо, решил, что я таким незамысловатым способом пытаюсь добиться от неё повиновения. Пусть пробую. Ему было любопытно, что из этого выйдет.

– Это значит то, что ты слышала, – отчеканил я, намеренно вкладывая в каждое слово металл и холод. – Завтра ты начнёшь делать то, ради чего я заплатил за тебя цену, равную годовой казне небольшого княжества. То, что ты, судя по грязным слухам и твоему происхождению, умеешь лучше всего. Призывать и ловить духов.

– Я не буду этого делать, – выплюнула она, и это прозвучало не как отказ, а как окончательный приговор.

– Будешь, – надавил я, наслаждаясь тем, как в её глазах разгорается пламя.

– Нет. Никогда, – отрезала она. – Мой дар – не аркан для твоей кровавой охоты. И не игрушка для твоих забав.

Она спорила, но в её словах не было ни намёка на отца. Никаких «я не похожа на него» или «я его презираю». Нет. Она просто не желала выполнять чужую волю. Её упрямство было чистым, первозданным, не замутнённым прошлым или страхом. И это бесило меня ещё больше, потому что я ожидал слёз, мольбы, чего угодно, но не этой стальной, несгибаемой гордости.

Я шагнул к ней, намеренно вторгаясь в её личное пространство, сокращая расстояние до минимума. Она не отступила, лишь сильнее сжала крошечные кулаки, так что костяшки побелели.

– Давай-ка уясним раз и навсегда, ведьма, – прошипел я, склоняясь к самому её лицу и вдыхая едва уловимый запах болотных трав и дождя, вьёвшийся в её волосы. – Твои желания, твои капризы и твои принципы меня не интересуют. Ты – моя вещь. Моя собственность, купленная за честное золото. А я привык, чтобы моя собственность была полезной. Ты будешь делать то, что я прикажу. Всё ясно?

– Я тебе не вещь! – её голос сорвался на долю мгновения, но она тут же взяла себя в руки, её взгляд стал твёрдым, как камень. – И я не стану по твоей указке тревожить мёртвых ради твоей мести! Можешь убить меня прямо здесь, но прислуживать тебе я не стану!

– Убить? – я криво усмехнулся, отстраняясь. Усмешка получилась злой и хищной. – Слишком просто. И слишком расточительно, учитывая, сколько я за тебя отдал. Нет, ты будешь жить. Долго и, возможно, даже сытно. И будешь делать то, что мне нужно.

– Посмотрим! – с вызовом бросила она. Она была зла, раздражена, и я отчётливо видел в её глазах отчаянное намерение – сбежать... опять... при первой же подвернувшейся возможности. Она была диким зверьком, попавшим в капкан, и она скорее отгрызла бы себе лапу, чем смирилась.

И в этот миг моё терпение, и без того натянутое до предела, лопнуло с сухим треском. Чёрная, глухая ярость, что копилась во мне долгих четырнадцать лет, ярость на её отца-предателя, на Святозара, на весь мир, что отнял у меня всё, нашла выход. И этот выход был прямо передо мной – упрямая, дерзкая девчонка, в чьих жилах текла кровь моего врага. Я решил её сломить. Не просто заставить, а именно сломить, растоптать её волю, чтобы она поняла раз и навсегда, кто здесь хозяин.

– Придётся, – мой голос стал тихим и ледяным, и от этой тишины, как мне показалось, даже пламя факела испуганно дрогнуло. – Иначе я тебя заставлю.

Я поднял руку, не касаясь её, и сосредоточился, закрыв на мгновение глаза. Я представил его. Бронзовый обруч на её тонкой шее. Представил, как руны, вырезанные на нём, наливаются моей силой, как тысячи невидимых раскалённых игл одновременно вонзаются в её нежную кожу. Я вложил в этот мысленный приказ всю свою волю, всю свою горечь, всё своё желание подчинить и растоптать.

Она вскрикнула. Коротко, задавленно, как подстреленная птица. Её глаза расширились от боли и неверия, в них плеснулся ужас. Она схватилась за шею, её тонкие пальцы пытались отодрать невидимый источник муки, ломая ногти о металл. Ноги её подкосились, и она начала медленно оседать на пол, словно из неё выпустили весь воздух, всю жизнь.

– Богдан, довольно! – зычно крикнул за моей спиной Абдула, его голос гулко ударился о своды подземелья, но я его не слушал. Я был пьян властью, пьян её болью, которая на мгновение заглушила мою собственную.

– На колени, – приказал я, глядя ей прямо в глаза и усиливая давление. Я видел, как её зрачки сузились до крошечных точек.

Она заскулила, из её плотно сжатых век брызнули слёзы – не от обиды или унижения, а от чистой, животной, невыносимой боли. Она боролась. Я видел, как напряглись все мышцы в её хрупком теле, как она пыталась сопротивляться приказу, идущему не от меня, а от проклятого обручья, ставшего продолжением моей воли. Но это была безнадежная, отчаянная борьба. С глухим, тошнотворным стуком её колени ударились о каменный пол. Она стояла передо мной, как сломленная кукла, её голова была бессильно опущена, плечи мелко сотрясались от беззвучных рыданий.

Я отпустил. Боль ушла так же внезапно, как и пришла. Она несколько раз судорожно, рвано вдохнула, всё ещё стоя на коленях и не поднимая головы. Её воля была надломлена. Унижена. Растоптана. Я победил.

В подземелье повисла мёртвая, звенящая тишина. Я чувствовал на себе тяжёлый, осуждающий взгляд Абдулы, который, казалось, прожигал мне спину. Я не оборачивался. Я смотрел на неё, на свою покорённую ведьму, и не чувствовал ничего, кроме горького, пепельного удовлетворения. И отвращения. К ней. И к самому себе.

– Завтра на рассвете мы идём на старый мост через Чёрную реку, – ровным, лишённым всяких эмоций голосом проговорил я в тишину. – Там ты призовёшь для меня духа утопленницы. Это будет твой первый урок подчинения.

Я резко развернулся и, не глядя ни на неё, ни на побратима, зашагал к выходу. Мне нужно было выпить. И побыть одному.

– Ты доволен собой, княжич?

Голос Абдулы, когда он без стука вошёл в мои покои час спустя, был твёрд, как степной камень. Я стоял у высокого стрельчатого окна, глядя на тёмную, непроницаемую стену леса. В

руке у меня был тяжёлый серебряный кубок с вином, но я к нему так и не притронулся. Его прохлада не могла остудить огонь, что горел у меня внутри.

– Я сделал то, что должен был, – глухо отозвался я, не оборачиваясь.

– Нет, – он подошёл и встал рядом, огромный, спокойный, от него пахло ветром и дымом костра. – Ты сделал то, чего давно хотел. Ты унизил её. Насладился своей властью над беззащитной. Ты забыл, Богдан? Забыл, каково это – стоять на коленях, когда на твоей шее такая же дрянь, а хозяин упивается твоей болью? Забыл, какие чувства в тебе вызывали те, кто вёл себя так, как сейчас себя ведёшь ты?

Его слова были как удар под дых. Я резко обернулся, в глазах потемнело от ярости, кубок в руке затрещал.

– Это другая ситуация! – прорычал я. – Её отца ты не знал! Он был лживой, продажной тварью, что погубила всю мою семью! А ежели учесть, что яблоко от яблони...

– Ты не знаешь этого наверняка, – спокойно, но непреклонно прервал меня Абдула. – Она тебе ничего не сделала. Как можно судить человека за проступки другого? Друг, подумай... Ты видел её на площади. Ты видел шрамы на её спине, когда стражник сорвал с неё рубаху? Или ты был слишком занят, покупая себе оружие, чтобы заметить израненную женщину?

– Не смей меня учить! – яростно выпалил я, но его слова о шрамах вонзились в память, как занозы. Я действительно видел их. Мельком. Белые, уродливые полосы на бледной коже. Тогда я не придал этому значения. Сейчас этот образ всплыл перед глазами с пугающей ясностью. Моя злость начала уходить, оставляя после себя лишь горькую, вязкую пустоту. Я отвернулся к окну, с силой сжав кубок. Абдула был прав. Проклятье, он всегда был прав. Я сорвался на девчонке от собственного бессилия и застарелой боли. Сделал то, что сделал, потому что... был слаб. А показывать слабость было стыдно. Поэтому я применил силу и власть – использовал обручье, чтобы подчинить. Правда оглушила.

– Прости, – выдохнул я, не оборачиваясь. – Ты прав, брат. Но глядя на неё, я пока не могу сдерживать чувств. Не думал, что она будет на меня так влиять.

– Так ли? – прозорливо уточнил Абдула, и я услышал в его голосе странную усмешку.

– Что ты имеешь в виду? – я обернулся.

– Ничего... – он пожал плечами, но его глаза лукаво блестели.

– Говори!

– Ты смотришь на дочь предателя, а я советую посмотреть глубже... Ты видишь в ней только кровь Велислава. А я вижу девчонку, которую жизнь была не меньше, чем тебя. А может, и сильнее. Ты хотел найти оружие, а нашёл израненную душу. Силой ты её только сломаешь. А сломанное оружие в бою бесполезно.

– Ещё мне не хватало ей в душу смотреть?! – отчеканил я, отгоняя непрошенные образы. – У каждого из нас свой крест. Я несу свой, чужие меня не интересуют! Пусть сделает, что мне нужно, и если она, правда, не такая, как её отец – я её отпущу! Клянусь!

– Тебе решать, твоя... невольница, – вновь подцепил меня Абдула. – Но я прошу, подумай на досуге: какой невольник лучше работает? Тот, кого бьют и кому угрожают, или тот, с кем ты по-людски поступаешь?

Он вышел, оставив меня одного с моими мыслями, которые теперь были похожи на расстроенный змеиный клубок.

Я нашёл её в её комнате. Она сидела на кровати, поджав под себя ноги, и молча точила маленький, неказистый ножичек о гладкий речной камень. Тот самый, что я видел у неё на поясе на площади. Видимо, стражники не всё отобрали. Увидев меня в дверях, она не испугалась. Лишь крепче сжала рукоять, её взгляд стал колючим и злым, как у волчонка, загнанного в угол.

Я не стал подходить близко. Остановился у порога, прислонившись к косяку.

– Я пришёл не для того, чтобы снова причинять тебе боль.

Она молчала, лишь очи её презрительно сузились. Лезвие ножа со скрежетом прошлось по камню.

– Я был неправ, – слова дались мне с невероятным трудом, они словно царапали горло. – То, что я сделал внизу... было ошибкой. Жестокой и бессмысленной.

– И что же? Ты пришёл извиняться перед своей «вещью»? – в её голосе звенел ядовитый сарказм, острый, как лезвие её ножа.

– Нет. Я пришёл предложить сделку, – я проигнорировал её выпад. – Партнёрство, ежели угодно.

Она недоверчиво хмыкнула, но точить нож перестала.

– Мне нужно поймать двенадцать душ. Двенадцать призраков людей, причастных к гибели моей семьи и разорению моего рода. Ты сможешь мне их поймать. За каждого пойманного духа я заплачу тебе столько золота, сколько ты не видела за всю свою жизнь. А кроме того... я помогу вернуть доброе имя твоей наставницы.

– Как? – её голос был едва слышным шёпотом.

– Мы докажем, что вы были не виноваты в смерти того ребёнка. Я найду настоящих виновных. И если захочешь... мы отомстим за Сиру. Я клянусь, что найду каждого, кто подстрекал толпу на площади. И они заплатят.

Она замерла, её пальцы на рукояти ножа побелели. Мечь за Сиру. Я ударил в единственное уязвимое место, которое у неё осталось. Я это знал. И беззастенчиво этим пользовался.

– Двенадцать душ – двенадцать имён, – продолжил я, видя, что она слушает, что лёд в её глазах начал трескаться. – Когда мы поймем последнего, ты получишь полную свободу. Ты сможешь уйти куда захочешь, с золотом, достаточным, чтобы купить себе хоть целое поместье. Мечь за мечь. Справедливость за свободу. Выбирай.

Она долго молчала, глядя куда-то в стену. Я видел, как в её голове идёт отчаянная борьба. Она ненавидела меня. Презирала. Но жажда отомстить за единственного близкого ей человека, за ту, что стала ей матерью, была сильнее.

– Хорошо, – наконец выдохнула она, и её голос был твёрд. – Я согласна. Но у меня есть свои условия.

– Говори.

Она подняла на меня глаза, и в них горел всё тот же несломленный, упрямый огонь.

– Я – партнёр, а не вещь. Ты больше никогда не применишь ко мне силу через эту дрянь, – она коснулась обручья. – Никогда. Иначе сделка расторгнута. И тогда можешь убивать меня, мне будет всё равно.

– Я согласен с этим, – кивнул я. – Но это ещё не всё, верно?

Она усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья.

– Ты умён, княжич. Да, не всё. Я хочу, чтобы ты снял его. Прямо сейчас.

Я замер. Этого я не ожидал. Лишить себя единственного рычага давления? Единственной гарантии её покорности? Это было безумие.

– Нет, – отрезал я. – Он останется. Как залог того, что ты не сбежишь при первой же возможности.

– Тогда сделки не будет, – так же ровно ответила она, снова взявшись за свой нож. – Я не могу быть партнёром, оставаясь в ошейнике. Это не партнёрство, а просто более вежливое рабство. Либо ты доверяешь мне, либо можешь и дальше пытаться сломать меня силой. Но как сказал твой друг, сломанное оружие бесполезно. Выбирай, княжич. Прямо сейчас.

Она смотрела на меня в упор, и я тонул в этом взгляде. Она бросила мне вызов, поставила на кон всё. И я вспомнил слова Абдулы. Вспомнил уродливые шрамы на её спине. Вспомнил собственное унижение в рабстве. Она была права. Проклятье, она была права.

Скрепя сердце, я вытащил из-за пояса маленький ключ. Её глаза расширились от удивления.

– Повернись, – глухо приказал я.

Она колебалась, но всё же медленно развернулась ко мне спиной. Я шагнул, оказавшись совсем близко. Мои пальцы дрогнули, когда я коснулся холодного металла на её шее. Под ним кожа была воспалённой и красной. Я вставил ключ в крошечный замок. Щелчок прозвучал в тишине комнаты оглушительно громко. Я снял тяжёлый бронзовый обруч. Она вздрогнула и медленно потёрла шею, где остался уродливый красный след.

– Теперь договорились? – мой голос был хриплым.

Она медленно обернулась. На её лице было странное выражение – смесь недоверия, удивления и чего-то ещё, чего я не мог разгадать. Она смотрела на меня так, будто видела впервые.

– Договорились, – тихо подтвердила она.

Я, повинувшись внезапному порыву, протянул ей руку. Она смотрела на мою ладонь целую вечность. А затем её холодные, тонкие пальцы коснулись моей кожи. Её рукопожатие было на удивление крепким и уверенным.

Наш договор был заключён. Договор, скреплённый ненавистью, болью и жаждой мести. И я ещё не знал, что это рукопожатие, этот тихий щелчок замка изменили всё.

ГЛАВА 11

ЛИРА

– Приехали, – голос Богдана, ровный и лишённый всяких чувств, вырвал меня из липкого кокона мыслей. – Дальше пешком.

До этого момента дорога до Чёрной реки молчала. Молчала так оглушительно, что в ушах звенело от напряжения. Скрип сёдел, фырканье уставших лошадей да глухой, вязкий стук копыт о раскисшую от недавних дождей землю – вот и вся наша беседа на протяжении нескольких часов. Я ехала чуть позади, неотрывно наблюдая за двумя широкими, могучими спинами. Богдан, прямой и твёрдый в седле, словно выкованный из того же серого, замшелого камня, что и стены его мрачной крепости. И Абдула, чуть более расслабленный в посадке, но оттого не менее собранный, его плечи покачивались в такт шагу коня, как у огромного, готового к прыжку степного кота. Они не говорили друг с другом. Они не говорили со мной. Они просто двигались к цели, а я была лишь частью их поклажи, живым, дышащим, но, как им казалось, безвольным инструментом.

Молчание давило, заставляя снова и снова прокручивать в голове сцену в подземелье. Унижение от невольничьего обруча, боль, бессильная, клокочущая в жилах ярость. А после – его слова в моей комнате. Сделка. Партнёрство. Мечь за мечь. Я вцепилась в это обещание, как утопающий цепляется за гнилую, скользкую корягу. Оно было единственным, что удерживало меня от безумия, от желания всадить тот маленький нож, что я по-прежнему прятала в голенище сапога, ему в спину. Или себе в сердце. Нет, только не себе. Сира бы этого не одобрила.

Сира... Образ её доброго, испещрённого морщинами лица вставал перед глазами, и слёзы обжигали веки, но я упрямо смаргивала их, не давая скатиться по щеке. Не здесь. Не перед ними. Я должна была отомстить. За неё. За её тепло, за её уроки, за её жизнь, так подло и бессмысленно оборванную на грязной соломе в темнице. И если для этого придётся заключить сделку с самим дьяволом, сойти в Навь и вытащить оттуда за волосы дюжину неприкаянных душ для этого безжалостного княжича – я это сделаю. Но я чувствовала, как каждый шаг по этому пути будет выжигать мою собственную душу дотла. Я это знала. И принимала.

Мы стояли на краю оврага, заросшего чахлым кустарником и потемневшим от вечной сырости мхом. Внизу, в молочном, клубящемся тумане, угадывалась чёрная, маслянистая лента воды. Чёрная река. Своё название она получила не только за цвет воды, тёмной от торфяников, но и за дурную славу, что тянулась за ней, как погребальный саван. А ещё – за старый горбатый мост, что чернел впереди призрачным скелетом какого-то доисторического зверя. Именно там, по словам Богдана, и обитала наша первая цель.

– Дух ключницы Агнии, – начал он свой инструктаж, пока мы спешивались и привязывали лошадей к низкорослой, скрюченной иве. Его голос был голосом воеводы перед боем – чётким, холодным и не терпящим возражений. – Служила у купца Захара, что якшался с Милашем и помогал ему отмывать ворованное из казны. Купец тот проворовался, а Агния об этом проведала. То ли шантажировать пыталась, то ли просто по глупости проболталась кому не следует. Люди Милаша утопили её прямо здесь, под мостом, обставив всё как несчастный случай. Теперь её дух, одержимый обидой и жадной мести, топит всякого, кто пытается перейти мост после заката. Особенно женщин.

– Почему женщин? – вырвалось у меня. Вопрос был глупый, профессионально ненужный, но я не могла сдержаться. Чтобы говорить с духом, мне нужно было понять его логику, почувствовать его боль, а не просто знать сухие факты.

Богдан на миг удивлённо вскинул бровь, словно не ожидал от меня вопросов, а лишь слепого повиновения. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на интерес, но тут же погасло, сменившись привычной отстранённостью. Но он всё же ответил.

– Потому что с купцом тем крутила любовь его жена. Она и выдала Агнию, из ревности и страха, что любовник поделится с ключницей не только тайнами, но и постелью. Дух мстит не тем, кому должен, а тем, на кого похожа его предательница. Души часто бывают до смешного нелогичны в своей посмертной ярости.

Абдула тем временем уже выкладывал на землю свои припасы: мешочки с крупной серой солью и пучками сушёных трав, от которых исходил горьковатый, пряный аромат, мотки верёвки из крапивы, вываренной в особом составе, и небольшой костяной амулет, испещрённый сложной вязью рун. Он работал молча, сосредоточенно, его длинные, сильные пальцы двигались быстро и точно. Он присел на корточки и начал чертить на земле, прямо у входа на мост, защитный круг. Не такой сложный и многослойный, как в подземелье, но всё же внушающий трепет своей идеальной геометрией.

– Твоя задача, – Богдан повернулся ко мне, и его взгляд стал тяжёлым, пригвождающим к месту, как копьё. – Войти на мост. Призвать её. Заговорить. Успокоить. Сделать так, чтобы она тебе поверила. Чтобы подошла близко, на расстояние вытянутой руки. Когда она окажется в пределах досягаемости, мы с Абдулой замкнём ловушку. Поняла?

– Поняла, – просипела я, чувствуя, как ледяной комок подкатывает к горлу. – Я должна её обмануть.

– Ты должна сделать свою работу, – отрезал он, и в его голосе прозвучала сталь. – Ту, за которую тебе обещана награда. Не более. Но и не менее. Запомни, Ловчая, у нас нет права на ошибку. Дух, почуяв ловушку раньше времени, может либо раствориться на месяцы, либо впасть в такую ярость, что снесёт и тебя, и этот мост к праотцам. Так что играй свою роль хорошо.

Он смотрел на меня в упор, и я понимала – он снова проверяет меня. Ждёт, что я взбунтуюсь, откажусь, начну спорить. Но я лишь молча кивнула, плотно сжав губы. Бунта не будет. Не сейчас. Я проглотила свою гордость и свой страх. Я – партнёр. Я выполняю свою часть уговора.

Туман был густым и влажным, он оседал на волосах и одежде мелкими холодными каплями, пах тиной, прелой листвой и речным тленом. Мост оказался ещё старше и ветше, чем казался издали. Скрипучие, подгнившие доски прогибались под моими ногами с жалобным стоном, сквозь широкие щели между ними сочилась холодная, мертвенная дымка, поднимающаяся от воды. Я сделала первый шаг. Второй. Сердце колотилось о рёбра, как обезумевшая птица в клетке. Я чувствовала это место. Оно было пропитано горем. Болью. Безысходным отчаянием. Мой дар, моё проклятие, отзывался на эту боль тупой, ноющей тоской в груди, словно старая рана.

Я дошла до самой середины моста и остановилась, вцепившись в скользкие, замшелые перила. Внизу, подо мной, лениво ворочалась чёрная, похожая на жидкий дёготь вода. Позади, на берегу, застыли две тёмные, неподвижные фигуры. Они ждали. Хищники в засаде.

Пора. Я закрыла глаза, отсекая промозглую, неудобную реальность. Глубоко вдохнула холодный, сырой воздух, выдохнула, замедляя дыхание, успокаивая бешено колотящееся сердце. Я перестала быть Лирой, испуганной девчонкой, которую купили на невольничьем рынке. Я стала Ловчей. Проводником. Мостом между мирами. Тем, кем меня сделала Сира, и тем, кем меня пытался сделать отец.

Я не шептала заклинаний, не чертила в воздухе знаков. Этому меня учила Сира. «Сила не в словах, дитя, – говорила она, – а в намерении. Души чувствуют не язык, а душу». Я просто... позвала. Не голосом, а душой. Я потянулась своим даром в стылую, серую толщу между Явью и Навью, в тот безвременный туман, где мечутся неприкаянные души, ослеплённые своей

последней болью. Я не требовала. Я просила. Я показала ей свою собственную боль, свою потерю, своё одиночество. Я стала для неё маяком, таким же потерянным и скорбящим, как и она сама.

И она откликнулась.

Сначала я услышала плач. Тихий, жалобный, почти кошачий, он шёл будто из-под самой воды, из глубины чёрного омута. Затем воздух передо мной пошёл рябью, как над раскалёнными углями. Туман начал сгущаться, уплотняться, обретая форму. И вот она появилась.

Она не была чудовищем из страшных сказок. Она была... девушкой. Совсем юной, не старше меня, с испуганным, детским лицом. Длинные тёмные волосы, похожие на спутанные водоросли, облепили бледное, с синевой, лицо. Простое домотканое платье промокло и прилипло к худому телу, подчёркивая каждую косточку. Но страшнее всего были её глаза. Огромные, тёмные, полные такой бездонной тоски и непонимания, что у меня у самой защемило сердце. Она не видела меня. Она смотрела сквозь меня, заново, в сотый, в тысячный раз переживая последние, кошмарные мгновения своей короткой жизни.

– Помоги... – прошелестел её голос в моём сознании. Это был не звук, а лишь эхо чувства, отпечаток отчаяния. – Холодно... Так холодно...

Я сделала медленный шаг ей навстречу, протягивая руки ладонями вверх в знаке мира. Я знала, что Богдан и Абдула видят лишь меня, говорящую с пустотой на середине моста. Но для меня она была реальнее, чем этот гнилой мост под ногами.

– Я здесь, – прошептала я, уже не губами, а мыслями, посылая ей волну тепла и сочувствия. – Тебя зовут Агния. Верно? Я пришла помочь тебе.

Она вздрогнула, её призрачный силуэт заколыхался. Её взгляд, до этого блуждающий, сфокусировался на мне. В нём мелькнуло удивление, смешанное со страхом. Она видела меня. Слышала.

– Кто ты? – её мысленный голос был полон недоверия и вековой подозрительности. – Ты пришла смеяться надо мной? Как она?

– Я такая же, как ты. Потерянная, – я не лгала. В этот момент я чувствовала именно это. – Я знаю, что с тобой сделали. Знаю о предательстве. О боли. Но этому можно положить конец. Ты можешь уйти. Найти покой. Перестать мёрзнуть в этой тёмной воде.

Я медленно пошла к ней, шаг за шагом, не сводя с неё глаз. Она не отступала. Она смотрела на меня, и в её глазах-омутах я видела, как тоска борется с робкой, почти угасшей надеждой.

– Они... они отняли всё... – в её сознании, как молнии, пронеслись образы, обжигая меня своей болью: грубые, воняющие перегаром руки, зажимающие рот, тяжёлый мешок, который она несла... мешок с краденым хозяйским серебром, который ей велели спрятать... внезапный, оглушающий удар по затылку... ледяной шок, когда её тело погрузилось в воду... лёгкие, горящие от нехватки воздуха... и последнее, что она увидела – смеющееся, искажённое злорадством лицо хозяйки, стоявшей на берегу рядом с двумя бородатыми убийцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.